Л.В.Шапошникова

УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК

Л.В.Шапошникова

УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК

Международный Центр Рерихов
Мастер-Банк
Москва, 2006

УДК 75(092)+130.1
ББК 85.143(2)-8+87.3(2)6
Ш24

Шапошникова Л.В.

Ш24 УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК. — М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2006. — 192 с., илл.

ISBN 5-86988-172-2

В книге коротко и ёмко говорится о Николае Константиновиче Рерихе, значение которого для русской и мировой культуры огромно, но до сих пор еще в полном объеме не осмыслено. Личность уникальная: великий художник, оригинальный мыслитель, разносторонний ученый, неустанный путешественник-исследователь и планетарного масштаба общественный деятель, он обладал, как убедительно показано в книге, тем внутренним синтезом, при котором любая область в круге его интересов — будь то художество, наука, философия, поэзия или публицистика — оказывалась не только связанной с другими, но и находилась с ними во взаимопроникновении, была неотрывна от них.

Он был выдающимся историком, археологом и этнографом. Его позиция историка исходила из философии космической реальности, нового космического мировоззрения; ряд его художественных произведений, отмечает автор книги, носит пророческий характер.

Исторические деяния Рериха — не имеющая аналогии Центрально-Азиатская экспедиция с ее ценнейшими результатами, создание Института «Урусвати», этого прообраза синтетической науки будущего, всемирно значимый Пакт его имени о защите культурных ценностей — сыграли (и играют) заметную роль в эволюционном продвижении человечества.

Большое число цветных репродукций картин Н.К.Рериха, по содержанию связанных с текстом, дают возможность читателю ощутить эстетическую сторону рассматриваемых проблем.

УДК 75(092) + 130.1
ББК 85.143(2)-8 + 87.3(2)6

На обложке: *Н.К.Рерих*. Книга Голубиная. 1911

ISBN 5-86988-172-2
© Л.В.Шапошникова. Текст, составление, 2006
© Международный Центр Рерихов, 2006

Введение

> Не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.
>
> *Леонид Андреев*

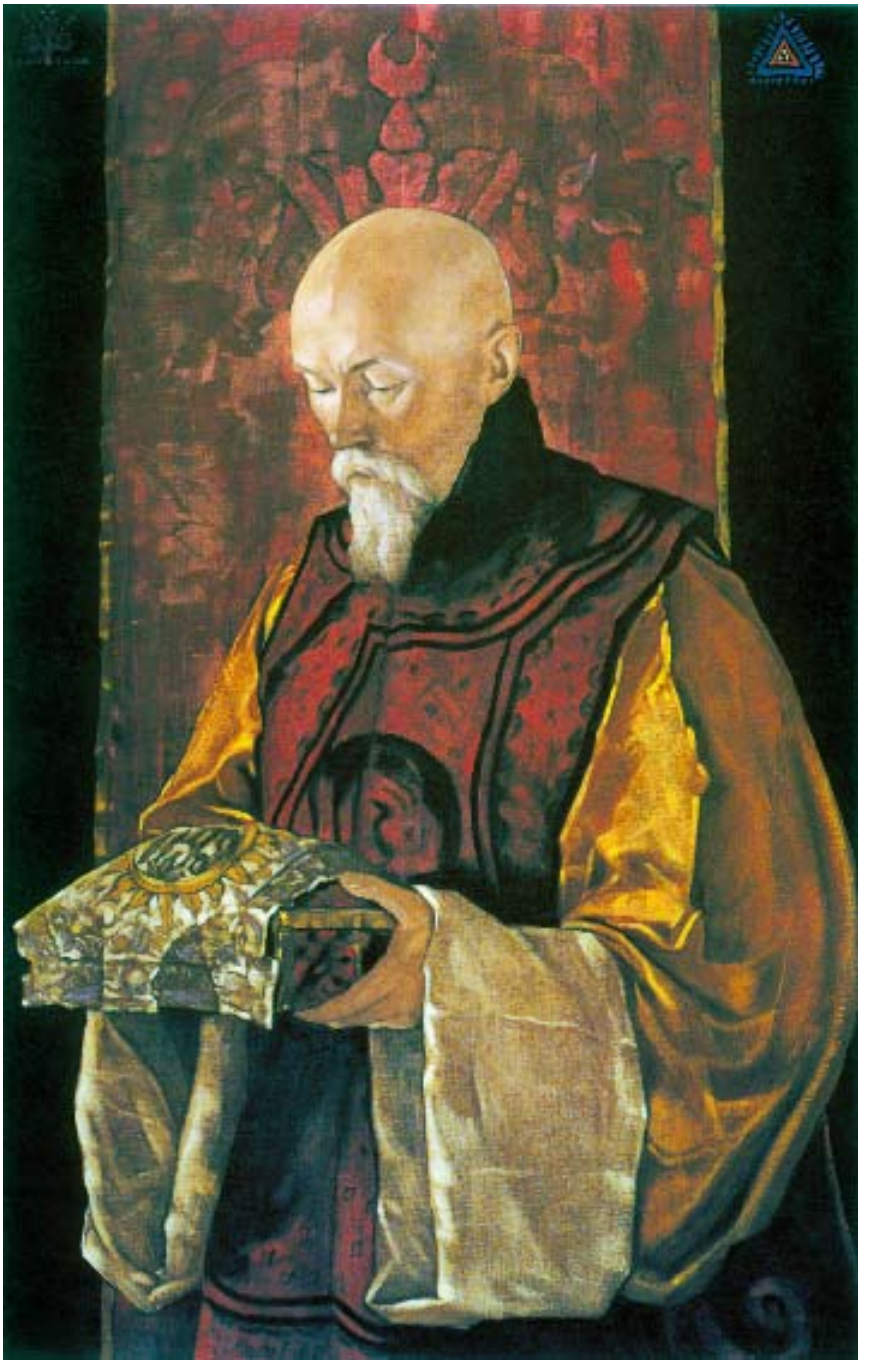
«Плывут полунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями — всполошило их мирную жизнь что-то малознакомое, невиданное <...> Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно — все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор <...> Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротою наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен — чаще он полосатый: полосы на нем или вдоль, или поперек, как придется <...> У рулевого весла стоят кто посановитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикрепленный к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от соленой воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, — мореный дуб обвит серебряной

пластинкой; на боку большой загнувшийся рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперек щеки прошел давний шрам»[1].

Удивительное это описание явно предполагает, что его сделал очевидец, стоявший на берегу и провожавший взглядом плывущие ладьи викингов, или варягов. Этому можно было бы поверить, если бы мы не знали, что ладьи плыли по знаменитому водному пути «из варяг в греки» в далеком Средневековье, а автор этих глубоко художественных строк жил в XX веке. Точная историческая зарисовка, сделанная им, говорит о богатой одаренности его воображения и вместе с тем о точном знании исторической реальности сказанного. Описание это затем вылилось на полотно сверкающими красками, четкими формами образов и еще чем-то неуловимым, заставляющим безоговорочно верить в изображенное на картине и, более того, ощущать дух и звучание времени, откуда выплыли расписные ладьи викингов. Казалось, что произошло какое-то чудо перевоплощения одного времени в другое. Но каждое чудо имеет свои реальные основания, только надо суметь их увидеть. Автора вышеприведенных строк звали Николай Константинович Рерих. Его творчество и личность имеют мировое значение. Часто сравнивают Рериха с творцами эпохи Возрождения по энциклопедичности его знаний, по разносторонности и полезности его творческого труда. Полагаем, что он все-таки обогнал значительно тех, кто жил и творил в блестящую, ушедшую в прошлое эпоху. Николай Константинович Рерих был уникальной, но еще полностью не осмысленной современниками и потомками личностью. Великий художник, крупный ученый, оригинальный мыслитель, неустанный путешественник и планетарного масштаба общественный деятель, он обладал тем внутренним синтезом, который обусловливал целостный подход к самым разным областям научной и художественной деятельности. Такой синтез создает условия, при которых любая область в цепи его интересов и творчества будет не только тесно связана с другими, но и будет находиться с ними в процессе взаимопроникновения, то есть в неотрывности от других.

---

[1] *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1. С. 41–43.



С.Н.Рерих
Портрет Н.К.Рериха. 1928

Рерих был блестящим историком, и нередко его исторические предвидения носили пророческий характер. Он был крупным археологом и этнографом. Нередко синтез Рериха при осмысливании его творчества искусственно разрывается исследователями, что часто приводит к неверным заключениям. Иногда ставится вопрос, что влияло: на художество Рериха — наука или его художество — на науку? Сама постановка вопроса некорректна. И наука и искусство в пределах синтетического пространства внутреннего мира Николая Константиновича тесно взаимодействовали друг с другом, взаимопроникая и составляя единое целое.

Подходы Н.К.Рериха к науке и искусству формировались качествами, которых не было даже у самых талантливых его коллег. Этим и объясняется его уникальность как историка. И в научные труды, и в художественное творчество он вносил нечто такое, что одухотворяло то и другое и значительно повышало познавательный уровень художества и эстетику его научных исследований. В нем существовал синтез науки и метанауки, действовавшей в течение многих веков в духовном пространстве человека. Метанаука взаимодействовала с внутренним миром человека, с теми накоплениями, с которыми он приходил в этот мир и реализация которых зависела от уровня его сознания. В данном случае имеется в виду уровень расширенного сознания — им, без сомнения, обладал Рерих. Именно это сознание порождало многие неожиданности и делало творчество мастера неповторимым и всегда живым. Вдохнуть жизнь в прошлое дано только истинному мастеру. Рерих сумел ухватить и передать то, что мы называем духом Времени.

Шлемы воинов, кольчуги, расписные борта ладей, древняя патина деревянных домов, накладные серебряные бляхи на сбруе лошадей — все это написано точно, но в то же время и свободно. И поэтому эти исторические аксессуары и детали несут на себе ту удивительную четкость и выразительность, которые говорят более об интуиции или озарении, нежели о сборе информации.

Нужная эпоха как бы возникала в нем самом, звучала живыми голосами, наполнялась красками и формами. Он видел ее, ощущал и переносил на полотно. То был редкий, поразительный дар, несший в себе кроме таланта и многое

другое, что составляло его внутреннюю суть. Он ощущал ток Времени, текший через него, отбирал в нем нужное. Это походило на чудо. Он же называл это иначе — «историческое настроение». В какую глубину уходили корни такого настроения, определить невозможно. Но несомненным остается то, что настроение существовало и в конце концов выливалось на полотно красками, формами, духом самого прошлого. Он спешил записать то, что видел, когда историческое настроение им овладевало. Он писал, как и рисовал — крупными, сочными мазками.

Историческое настроение превращалось в историческое ви дение — точное и яркое. Многие объясняли эту точность тем, что Рерих был еще и археологом и хорошо знал археологические реликвии. Но сами предметы не могут породить в человеке ни такого настроения, ни такого ви дения. Они могут только содействовать этому, способствовать тому таинственному творческому процессу, который живет и развивается в человеке там, где-то внутри него, на той неуловимой, будто светящаяся нить, границе, где смыкается сознательная культура с глубинным потоком Времени, который несет в себе художник. Это взаимодействие Времени и Культуры придавало полотнам Рериха одно уникальное качество. На них знание и искусство сливались так, что граница их была неразличима, и часто одно переходило в другое. С годами это качество будет оттачиваться и развиваться. И позже возникнет вопрос: что такое творчество Рериха, искусство или наука? И придет один-единственный ответ: наука, ставшая искусством, и искусство, перешедшее в науку.

Археология, без всякого сомнения, играла важную роль в создании этого удивительного исторического настроения. «Щемяще приятное чувство, — писал Рерих, — первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридесятое царство; шире и богаче развертываются чудесные картины <...> Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!»[1]

---

[1] *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1. С. 14–24.

Рерих всегда был точен, и его «седой вековой туман» не был ни метафорой, ни каким-либо иным художественным приемом. Это — реальность, проявлявшаяся в творчестве исторического настроения. Один из крупнейших археологов России академик А.П.Окладников назвал это его состояние «археологическими грезами». Алексей Павлович имел в виду особенность творческого процесса Рериха как археолога и историка и высоко ценил эти «археологические грезы», считая его картины ценным историческим источником.

...Люди в белых посконных рубахах, укладывающие в основание башни золотистые, пахнущие смолой бревна. Сшибаются ладьи под красными парусами в морском бою. По каменистым увалистым берегам волокут «из варяг в греки» тяжелые с резными носами ладьи. Истово и самозабвенно пляшут люди, одетые в звериные шкуры. Они пляшут так, как плясали только в каменном веке. Александр Невский на белом коне, закованный в кольчугу, врезается в ряды врагов и поражает ярла Биргера. Князь Владимир, княжич Глеб. Над тайными травами гнутся причудливо одетые ведуньи. Пронзительно и мудро смотрят глаза колдунов, в которых светятся безвременье и тайные знания. Фантастические лики и знаки древних заклинаний возникают в неверном свете месяца. Заклинают землю, заклинают огонь, заклинают воду. В тайной, скрытой молитве изломанно и стремительно вскидываются обнаженные руки. В темные подземелья уходят люди в остроконечных шапках. На их лицах лежит печальный прощальный отсвет. Возникают и исчезают — невесть откуда и куда — старики и старицы. Их темные, неясные лица скрыты в тумане времени. Стынут на нездешних холмах глыбы окаменевших великанов, ковры-самолеты реют над куполами и башнями давно умерших древних городов. Поблескивая чешуей, угрожающе поднимаются змеи. И несутся по небу всадники в сверкающих латах. А небо то затухает, то вновь разгорается, то вновь наливается синевой. По ночам на нем вспыхивают звездные руны, в бесконечных сочетаниях возникающих и гибнущих светил.

Монументальные, темнеющие в ночи стены Изборска. Холодный и сверкающий, похожий на лезвие кривого ножа месяц. Бесшумно к узкому проходу в стене ползут люди. На них остроконечные шапки или шлемы. Кто они? Что

они задумали? Почему тайно ночью проникают в крепость? «Тайник» — реальная картина прошлого.

Закутанная в черное фигура, устало и покорно бредущая к монастырю, над стеной которого тяжело поднимается фасад собора. Медленно и задумчиво падают белые крупные снежинки. Снег белым саваном покрывает лестницу, лежит на толстых стенах и крыше собора. «Покаяние». Что и кем было совершено? За что пришлось каяться? Неизвестно...

Картины Рериха, вместе с остальными достоинствами, несли в себе тайну. Она возникала из «седого векового тумана» и входила в образы, запечатленные на полотне. Картины Рериха, подобно культурному слою в археологии, требуют, во-первых, соответствующих знаний, а во-вторых, склонности к размышлению. Прочтение исторического источника требует именно таких условий.

1. Неслучайные «случайности». Явление археологии

Николай Константинович Рерих родился в 1874 году в семье известного петербургского нотариуса. После окончания гимназии поступил, по настоянию отца, на юридический факультет Петербургского университета и по собственному стремлению — в Академию художеств, которую успешно окончил. Дипломная картина «Гонец. “Восста род на род”» сделала его известным художником и была взята П.М.Третьяковым в галерею. В 1901 году он женился на Елене Ивановне Шапошниковой, которая стала его другом, единомышленником и поддержкой на всю жизнь. В 1902 году появился старший сын Юрий, будущий известный востоковед, а в 1904 году — Святослав, ставший крупным художником.

Николай Константинович с самого раннего детства вошел в тот круг интересов, который стал его судьбой. Интересы эти были связаны с историей и археологией, Востоком, особенно Индией, и, конечно, с художеством. Рисовать он начал очень рано. Говорят, что люди делятся на две части. Одни появляются на свет просто для жизни, другие для призвания. Николай Константинович Рерих принадлежал к последним. Объяснить, что такое призвание, непросто. Явление это очень сложное, сопряженное с таинственными процессами внутренней жизни человека. Можно, например, сказать, что призвание — это реализация того, что заложено в человеке. В Рерихе было заложено очень много. Он пришел в этот мир с огромным богатством, которое сумел приумножить и принести в дар человечеству.

...Древние курганы были разбросаны среди полей и лесов, окружавших имение нотариуса К.Ф.Рериха под Петербургом. Первые свои раскопки Рерих-младший провел в девятилетнем возрасте. Прикосновение к реликвиям дальних веков было непередаваемым и неожиданным. С того момента археология пройдет через всю его жизнь. Раскопки на севере России, раскопки в Новгороде, раскопки в Европе, в Тибете, в индийских Гималаях. С годами он сформируется как крупнейший историк и археолог. Имение нотариуса называлось Извара. На первый взгляд оно не отличалось от других не-

больших имений, которых было немало в окрестностях большого города. Но это только на первый взгляд. Время и здесь расставило свои знаки. Уловить закономерности их появления трудно. Дом в Изваре был одноэтажным и добротным. Фасад и углы украшали готические башенки. Знак с тремя кругами, который можно увидеть в розе готических соборов средневековой Европы, дважды повторялся на стенах дома. Знак этот иногда означает пророка. Дом был старинный и принадлежал не одному владельцу. Нотариус купил его у поручика лейб-гвардии Преображенского полка Веймарна. К готическим знакам дома поручик не имел никакого отношения. Он ничего не знал также и о картине, которая висела в одной из комнат дома. На картине была изображена снежная гора, скорее не гора, а целый хребет. Картина неотвратимо притягивала мальчика. Он подолгу рассматривал причудливые изломы склонов и неприступные снежные пики. Потом, через много лет, он узнает имя горы — Канченджанга. Она встанет на его Пути без рамы, без осевшей на ней пыли, во всем богатстве удивительных красок. Рерих будет рисовать ее много и упоенно. С разных точек. В разное время года. В разные часы дня. Он будет жить невдалеке от нее и видеть из окна дома. Этот дом будет в Индии. Тогда же он еще ничего не знал о ней. Но она уже звучала в названии имения — Извара. Слово на древнем, теперь уже мертвом языке этой страны. «Исвара», «Ишвара» — бог, владыка. Об этом ему много позже скажет великий и мудрый поэт Индии Рабиндранат Тагор. Но Индия жила не только в названии Извара. Дом был построен в екатерининское время и принадлежал графу Воронцову, который, как говорили, побывал в Индии. И к тому же по соседству с Изварой когда-то жил индийский раджа. Потом Индия встанет на Пути Николая Константиновича и придаст этому Пути цельность и непреклонную устремленность. В гимназии К.И.Мая, где учился Рерих, он с интересом и прилежанием чертил и раскрашивал карты азиатского материка. Гималаи, Гоби, Куньлунь, Алтай. Горы и пустыни Азии неодолимо влекли его. Они таили в себе многие еще не разведанные тайны. Он внимательно слушал рассказы востоковедов, бывавших в доме Рерихов. Имена Пржевальского, Козлова, Потанина обладали для гимназиста Рериха удивительной притягательностью.

Он читал их книги, всматривался в портреты. Ему хотелось быть похожим на них, но он понимал, что сделать это очень трудно. Выдающиеся русские путешественники вели караваны через пески и верхом на низкорослых лошадях местной породы преодолевали горные перевалы. Случится ли такое когда-нибудь в его жизни? Иногда возникала уверенность, что — да, случится.

Археология и история, Восток, путешествия, живопись — он к этому не только тянулся интуитивно, но и размышлял об этом неодолимом влечении, пытаясь найти в нем какие-то закономерности. Много лет спустя он, уже зрелый, пожилой человек, напишет: «Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальною случайностью. Конечно, эти "случайности" часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!»[1] Николай Константинович употребил очень точное выражение — «человек зазвучал». Так и он сам в свое время «зазвучал» на то, что потом стало делом его жизни, и, в отличие от многих, очень рано. Возможно, в этом раннем открытии себя и сказалась необычная его одаренность, его удивительная талантливость.

Диапазон археологических исследований Рериха был весьма широк и во времени, и в пространстве. Во времени они включали в себя эпохи начиная с каменного века и завершались Средневековьем. В пространстве они захватывали Россию, ее и европейскую азиатскую части, Европу, Индию, Центральную Азию, частично Америку. Очень редко даже самые выдающиеся археологи могли поднять научно такой исторический груз и по времени, и по пространству. Рериху это удалось. Этому способствовали его удивительная трудоспособность и мощный талант, проявившийся во многих областях творчества, а также редкое сочетание или, скорее, синтез науки и искусства, археологии и художества.

Профессионально Рерих начал заниматься археологией еще студентом Петербургского университета. Эти занятия

---

[1] *Рерих Н.К.* Зажигайте сердца. М., 1975. С. 96.

были столь успешными, что тогда же он становится пожизненным членом Императорского Русского археологического общества. Несмотря на занятость в университете и в Академии художеств, он принимал самое деятельное участие в раскопках, делал доклады перед учеными, писал подробные отчеты о работе. Отчеты сопровождал великолепными и точными рисунками, которые были лучше любой фотографии. Ему удалось собрать богатейшие коллекции археологических реликвий. В своих раскопках он шел к истокам культуры человечества, к каменному веку, который поразил его не только таинственностью, но и удивительным сходством предметов, найденных им, с теми, что обнаружены на древнейших стоянках на огромных территориях, куда можно включить Францию, Бельгию, Италию, США, Монголию, Китай, Венгрию, Швейцарию, Египет, Сибирь. «Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной, — писал Рерих, — всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратиям»[1]. Изделия каменного века, найденные на различных территориях, отстоящих друг от друга на больших расстояниях, практически повторяли друг друга. Находки в России и странах Европы, отмечал он, «представляют поразительное сходство с нашими находками; материал, величина, точнейшая форма, характерная обделка (сверление и штриховка), так называемые пуговицы и двойные пуговицы — все говорит не только об общем происхождении, но как бы об одних руках, обточивших эти вещи. Такое же сходство и в каменных орудиях, найденных вместе, — скребки, острия и стрелки с вогнутым насадом»[2]. Говоря о тайне, «окружающей следы каменного века», Рерих не имел в виду предметы только материальной культуры, а стремился проникнуть в суть красоты созданного, в мышление человека каменного века и в его чувства, ибо хотел, и это ему удалось, представить культуру каменного века во всей ее глубине и объемности. Он просматривал в ней удивительное своеобразие и изначальность корней общечеловеческой более поздней культуры. Он был первым ученым, который

---

[1] *Рерих Николай.* Листы дневника. В 3 т. М., 1999. Т. 1. С. 157.

[2] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. Новосибирск, 2002. С. 21.

не согласился с бытовавшим тогда представлением о дикости и примитивности людей каменного века. Ведя раскопки этой еще мало изученной эпохи, Рерих ощутил не только красоту материальной культуры каменного века, в частности неолита, но и особенности его духовной жизни, которая, по его мнению, находилась на достаточно высоком уровне. «Понимать каменный век как дикую некультурность будет ошибкою неосведомленности»[1], — писал он. Рериховская мысль и всесторонний подход ученого к археологии как к чему-то живому оживляли его исследования. Он видел за кремневыми скребками, наконечниками стрел, рубилами людей далекого прошлого и чувствовал творческий дух их времени. Это свойство выгодно отличало его от коллег. «При всей кажущейся дикости, — отмечал он, — древний человек, с неменьшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение векового смысла жизни. Радость жизни разлита в свободном каменном веке. На каменных скрижалях написало человечество первые слова, слова общечеловеческие».

Исследовать каменный век, который его так увлекал, Рерих начал в 1902 году с курганов в Новгородской губернии, затем его раскопки охватили Санкт-Петербургскую и Тверскую губернии. Особенно большой материал по неолиту он нашел у озера Пирос. Во время этих раскопок он обнаружил антропоморфные фигурки, сделанные из кремня. Это было настоящим открытием для археологов, а для Рериха — доказательством зарождения в человеке каменного века эстетического чувства и образного художественного мышления. Эти фигурки смог разглядеть только глаз художника, обладавшего высокодуховной организацией. Один из крупных российских историков В.Е.Ларичев пишет по этому поводу: «Не стоит поэтому удивляться, что Н.К.Рерих оценивал часто находки каменного века проникновеннее, точнее и глубже, чем иной современный профессионал, уныло разглядывающий “артефакты” через призму процентных соотношений типов орудий. Он первым сумел увидеть среди оббитых камней, найденных при раскопках на берегу озера

[1] *Рерих Н.К.* Глаз добрый. М., 1991. С. 103.

Пирос, “человекообразные фигурки”, подобия которых и теперь для иного, зацикленного на типологиях “артефактиста”, не более чем знак необузданного воображения субъекта, случайного в науке. Выявить столь экзотические скульптуры в груде “производственного мусора” и по достоинству оценить их мог лишь человек истинно творческого мышления, лишенный профессиональных предубеждений, щедро наделенный даром художественного воображения»[1]. К этому можно добавить, что кроме дара «художественного воображения» Николай Константинович был наделен и даром восстанавливать по «артефактам» уже ушедшую в небытие древнюю жизнь во всем ее материальном и духовном богатстве. Он сумел проследить по янтарным изделиям каменного века направления миграций населения. Один из главных маршрутов этих передвижений вел на север, к берегам Балтийского моря, столь богатым янтарем. Это были торговые пути, доходившие до Северного моря.

Прошлая древняя жизнь возникала из-под земли какими-то истлевшими клочками, как бы снова восстанавливалась, коснувшись таинственного внутреннего мира ученого и художника. Восстанавливалась в полном богатстве ее материи и духа. Описание Рерихом погребальной церемонии создает полное впечатление реальной картины, выхваченной из прошлой истории Древней Руси. Очерк, в котором содержится это удивительное описание, называется «На кургане». В нем богатейшее воображение художника тесно взаимодействует с точностью его научных знаний. Лишь лицезрение древнего кургана вызвало из небытия эту волшебную картину. «Словно бы синей становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливается вверху жаворонок. Привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями со зверьем — с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводья и мочажины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долбленые челны. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными

---

[1] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 7.

по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей. У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может, ватмалом[1]. На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство — гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой — завозной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей[2]. На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана также на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит. На предплечье изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7–8 веков пролежать им в земле нипочем. А зубы-то, зубы крепкие, ровные.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего — разоделись они; много чего на себя понавешали. На головах кокошником венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, — таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две-три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные: медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров — и не перечесть

---

[1] *Ватмал* — грубая шерстяная ткань, употреблявшаяся на одежду в Лифляндии, Швеции, Дании и Северной Германии. — *Ред.*

[2] Варягов. — *Ред.*

все веденецкие изделья. Еще есть красивые подвески для ожерелий — лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката. На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки — страшные, с разинутой пастью, излюбленные уточки, ве домые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку. На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие, с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинут кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посредине его посажен покойник; голова бессильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копье и горшок с кашей. Смолистые плахи все выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой — костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма»[1].

Это лишь фрагмент из сделанного Рерихом описания, настолько реального, что возникает чувство присутствия. Можно сказать, что подобное археолого-историческое описание было несвойственным ни археологам, ни историкам того времени. Оно несвойственно им и сейчас. Рерих во многих направлениях археологии и истории оказывался первым, а его исследования носили нередко характер открытий. Он первым начал копать и археологически исследовать древний Новгород. Он предвидел, какие неожиданные открытия, связанные с историей Древней Руси, дадут новгородские раскопки.

«Благодаря необыкновенному “чувству истории” Рерих, как своими открытиями, так и догадками, предвосхитил ряд

---

[1] *Рерих Н.К.* Глаз добрый. С. 24–26.

достижений советских археологов, работавших в Новгороде», в результате этих работ Новгород «стал одним из величайших археологических открытий XX века»[1].

Он прокладывал новые пути в археологических раскопках и исследованиях. Интересный и важный археологический материал был им получен в Псковском регионе и в районах, примыкавших к Финляндии. Он обнаружил теснейшее взаимодействие славян с финскими племенами, Скандинавией, Прибалтикой. Он дал в своих отчетах, докладах, записях важнейшие указания на исторические миграции древних племен, на их традиции и обычаи. Он справедливо считал этнографию наукой, дополняющей археологию, и, используя ее накопления, объяснил немало темных мест в археологии. Обе науки составляли прочный фундамент древней и средневековой истории, проблемами которых Рерих особенно интересовался. В 1903–1904 годах он совершил историко-археологическую экспедицию по древним русским городам, крепостям и другим культурно-историческим памятникам. Маршрут его экспедиции прошел по значительной территории, включившей Ярославль, Суздаль, Ростов Великий, Изборск, Смоленск, Владимир, Боголюбово, Углич, Звенигород, Юрьев-Польской и многое другое. Он составил по городам не только описания, но и создал большую и бесценную коллекцию художественных произведений, которые имеют непреходящее историческое значение. Знакомясь с памятниками истории и культуры, записывая предания и легенды, беседуя с местными жителями, он собрал материал, который свидетельствовал о том, что на территории России сошлись Восток и Запад, что влияния того и другого образовали русскую синтетическую культуру. Именно во время посещения древних городов, имея опыт археологических раскопок, он понял, какое грандиозное и многообразное зрелище представляет собой русская культура. Он искал ее первооснову, определял связи с мировой культурой и те узловые моменты, которые меняли, продвигали или задерживали ее развитие. Как истый археолог, он поднимал в этой культуре слой за слоем. Но не разъединял эти слои, а исследовал их как одно целое, неделимое явление.

---

[1] *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 43.

Он различал почерк скифов на каменной резьбе Владимира и Юрьева-Польского и видел тот особый «звериный стиль», который позже обнаружит на пряжках и пластинах Алтая и Тибета. В русской крестьянской одежде, в затейливых куполах некоторых православных церквей Рерих улавливал элементы тех времен, когда Русь стонала под игом пришельцев с Востока. До татар Восток проникал в русскую культуру через Византию. Этот след поведет его дальше, в глубь веков, и он обнаружит какие-то более ранние связи Руси с Востоком. Предположит, что, может быть, это не только связи, а какие-то общие истоки.

В своих размышлениях и сопоставлениях он обратится к Северу, к местам, не тронутым монголо-татарским нашествием. От них потянется ниточка к Финляндии, а затем и ко всей Скандинавии. И когда в дымке прошлого растворятся и исчезнут варяжские ладьи, плывущие «из варяг в греки», он станет мыслить о чем-то более раннем, что опять повернет его к неведомым истокам. И в этой цепи размышлений и сравнений возникнут далекие, несопоставимые, казалось бы, Скандинавия и Индия. А среднерусская равнина и южнорусские привольные степи окажутся странным связующим звеном между нами...

Какие народы здесь проходили? Что мы о них знаем? Время вело его все дальше, в такую глубину прошлого, о котором почти ничего не было известно. Время выносило только знаки этого прошлого, как выносит иногда бурный поток что-то скрытое в его бездонных глубинах. Знаки оседали фантастическими зверьками на стенах русских церквей, поднимались вековыми курганами, возникали каменными загадочными кругами в Финляндии и на русском Севере. Отзывались в русском языке древним санскритом. Оттуда, из Финляндии, шло эхо каких-то исчезнувших народов, туда вел след к чему-то очень древнему, давно ушедшему и забытому.

Возникали предположения, похожие на прозрения. Николай Константинович был осторожен в окончательных выводах как ученый, но свободен и раскован как художник. Истина должна была возникнуть где-то на сопряжении этих двух граней. Несколько лет спустя он напишет об этом волнующем, свершающемся в нем самом: «В таинственной

паутине веков бронзы и меди опасливо разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы; каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. Целый ряд блестящих шествий! Перед глазами еще сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено. Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!»[1] Во всем этом многообразии форм древней жизни, в бесчисленности прошедших через Время народов Рерих интуитивно предвидел какое-то культурное единство, сводящееся к общему истоку. Потом в самых разных местах планеты он будет искать факты, подтверждающие это единство и эту общность. Но уже тогда перед ним со всей очевидностью возникла проблема: если единство существовало в прошлом, значит, оно возможно и в будущем? В чем же состояла основа этого единства? И какой она может стать для будущего? Сможет ли то прошлое единство, преодолев разъединенность настоящего, вылиться, следуя законам эволюции, в более высокое единство будущего? Для этого ему нужно было окунуться в прошлое. Изучение этого прошлого было необходимым и насущным. «...Человеку, — однажды написал он, — не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем»[2]. В этих словах заключалось то, что впоследствии станет его концепцией исторического процесса.

Рерих знакомился с источниками самого разного рода, разыскивал их. Готовясь к раскопкам, он глубоко вникал в архивные материалы, летописи, писцовые книги, а также просматривал отчеты и доклады археологов, до него исследовавших определенные археологические места. Он обращался не только к этнографии населения, обитающего в пространстве раскопок, но широко использовал как традиционный фольклор, так и местные легенды и предания. Подходя крайне осторожно к выводам по поводу археологического материала, он внес немало нового в его датировку, что облегчало помещать данные материалы в реальную историческую обстановку. Все это давало ему возможность восста-

---

[1] *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. Кн. 1. С. 132.

[2] Там же.

навливать древнюю жизнь во всем ее богатстве и разнообразии. Он провел большую работу по классификации курганов, что помогло систематизировать более точно археологические находки. В одной из записей Рериха мы читаем: «С полета, всматриваясь в общую массу курганов, изучая местоположение, сравнивая их внешность, — видно, что они не могут относиться к одному периоду. То огромными полями сплошь унизывают они 10–20 десятин, то небольшими группами или же одиноко маячат на пашне; иной раз представляют они свежие, крепкие, точно вчера сложенные конусы с высокой вершиной и ясной правильной булыжной обкладкой в основании, иной же раз вершина оказывается глубоко осевшею или вся насыпь является заплывшим, полушаровидным, даже неправильным возвышением... Эта разница во внешнем виде *обусловливает* различие и в погребальных обычаях и находках, разделяя <...> все курганы настоящей местности на две группы, относя первую к XI и XII вв. и вторую к XIII и XIV»[1].

Классификация курганов, сделанная Рерихом, прочно вошла в археологическую литературу. Актуальность археологических исследований Николая Константиновича и до сих пор весьма значительна. Один из крупнейших советских археологов академик А.П.Окладников писал: «В историю русской археологической науки прочно вошли полевые работы Н.К.Рериха по исследованию новгородских древностей, раскопки “жальников”. Его в равной мере интересовали древнерусские памятники и финно-угорские древности. На уровне археологической техники того времени его раскопки представляли *передовое достижение*. И как археолога Н.К.Рериха по праву нужно числить в ряду крупных исследователей русской археологической науки»[2].

Один из ближайших сотрудников Алексея Павловича Окладникова В.Е.Ларичев, доктор исторических наук, отмечал: «Мне же, для кого древнекаменный век и художественное творчество ледниковой эпохи дороже всего в археологии, Н.К.Рерих гораздо ближе по своим представлениям любого

---

[1] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 27.

[2] Там же. С. 11.

из моих современников, занимающихся изучением каменного века и объектов его искусства. Несравненно ближе он мне по душевному настрою, по чувственным восприятиям, по мыслям, духу и устремлениям. Для меня Н.К.Рерих — не “навсегда отошедшее в прошлое” или “архивный раритет”, а истинный мой современник, в размышлениях коего я черпаю вдохновение. Для меня он — живой собеседник, у которого я мысленно нахожу понимание и сердечный отклик...»[1] И еще: «Счастлив тот ученый, литератор, мыслитель или художник, чьи творения своим влиянием и действенностью выходят далеко за рамки времени, отведенные роком для его земного бытия. Это вневременное, одинаково мощное воздействие на людей разных эпох сильной творческой личности есть яркий показатель глубины постижения ею мира Природы и Человека. Появление деятеля науки и культуры такого масштаба, властителя и выразителя дум, — всегда событие знаковое»[2]. Определение Рериха как знаковой фигуры нашей эпохи вполне справедливое и честное.

Рерих собрал огромную коллекцию находок каменного века, 100 тысяч различных предметов из кремня, янтаря, полудрагоценных камней. Известность его как археолога росла от года к году и нашла широкий отклик в научных кругах за рубежом. Его опубликованные археологические работы получили высокую оценку зарубежных коллег, которые стали искать научные контакты с ним, интересовались его раскопками стоянок каменного века, стремились увидеть его уникальную археологическую коллекцию. Коллекция Рериха была показана во Франции на историческом конгрессе в 1905 году. Это была первая коллекция, привезенная из России на зарубежный конгресс. Она вызвала настоящую сенсацию среди ученых-историков различных стран. Один из крупных исследователей каменного века французский ученый Е.Картальяк писал по поводу выставки Рериха: «В ней представлены кремневые орудия самых различных форм и редкостного совершенства; многие отмечают, что они напоминают образцы из долины Нила, некоторые предметы

---

[1] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 6.

[2] Там же. С. 5.

выполнены в форме силуэтов животных. Имеются также очень оригинальная подвеска и гончарные изделия эпохи неолита с любопытными орнаментами в виде отпечатков»[1]. Русская археология была представлена впервые на международном конгрессе именно Рерихом. Позже эти связи укрепятся и разрастутся. Потом пройдут по всему миру выставки его картин, которые поразят посетителей исторической реальностью и достоверностью. Когда наука оказывалась в чем-то бессильной, Рерих прибегал, не сомневаясь и не колеблясь, к познавательному свойству художества, что всегда приносило плодотворный результат. «Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные <...> За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства»[2]. Он всегда обращал внимание на искусство изучаемой эпохи, ибо в этой области находилось духовное творчество древнего человека, говорившего так много такому ученому, каким был Рерих. Особенности творчества прошлого, несомненно, помогали Рериху-художнику каким-то только ему ведомым образом переносить это прошлое на собственные картины и делать их исторически убедительными.

«...Воскресает, — писал известный искусствовед Сергей Маковский о полотнах Рериха, — забытая жизнь древней земли: каменный век, кровавые тризны, обряды далекого язычества, сумраки жутко-таинственных волхвований; времена норманнских набегов; удельная и московская Русь»[3].

Рерих создал уникальную коллекцию картин, повествующих о древней жизни во всем богатстве ушедшей в небытие ее культуры. Крайне важно и интересно замечание Николая Константиновича по этому поводу: «Картина лишь тогда может произвести полное впечатление, если в ней удачно будут разрешены три задачи: художественного эффекта (настроения), задача общепсихологическая и специально-историческая задача <...> Только гармоничное соответствие этих трех

---

[1] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 21.

[2] *Рерих Н.К.* Глаз добрый. С. 104.

[3] *Маковский С.* [Поэзия ранних замыслов] // Держава Рериха. М.: Изобраз. искусство, 1994. С. 39–40.

требований произведет впечатление и вызовет желательную эстетическую эмоцию»[1]. Теория исторической живописи, которую выстроил Рерих, относится не только к искусству, но и к истории как научному предмету. Ряд картин, написанных им в начале XX века, — «Заморские гости», «Город строят», «Поморяне», «Борис и Глеб», «Чудь подземная» и другие, является блестящим примером реализации поставленных Рерихом перед исторической живописью задач. Он настаивал на том, что писать нужно так, чтобы смотрящий картину с историческим сюжетом смог окунуться в прошлую жизнь, не выдуманную художником, не нафантазированную им, а вполне реальную, основанную на научных знаниях. Он считал, что археолог или историк должны быть художниками, и только тогда их научный труд может получить впечатляющую форму и убедительность реальности. Такие картины, как «Каменный век» (1904), «Север» (1904), «Задумывают одежду» (1908), «Колдуны» (1905), «Идолы» (1901), «Гонец. “Восста род на род”» (1897), «Сходятся старцы» (1898), являлись не только произведениями высокого искусства, но, — не ошибусь, если скажу, — живыми свидетельствами исторического прошлого.

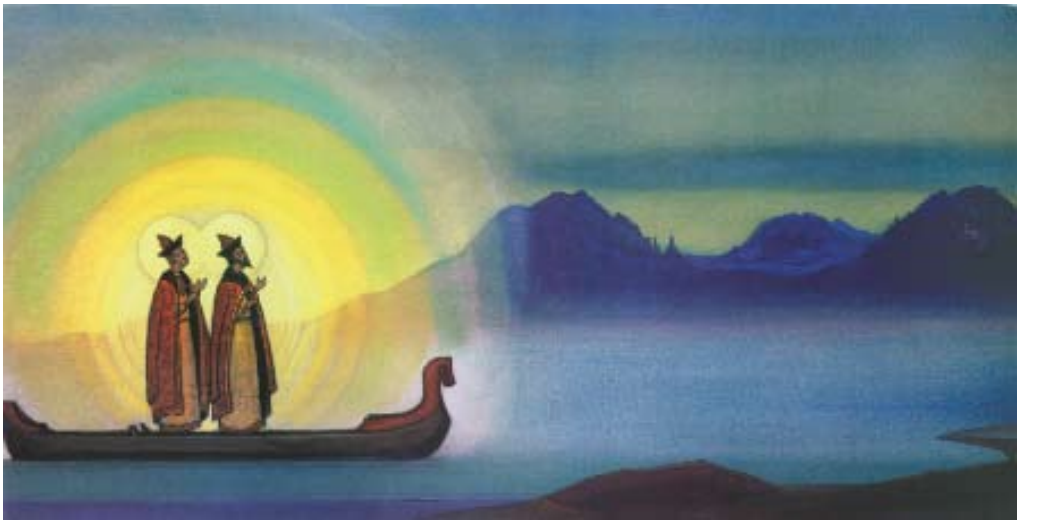
[1] Искусство и художественная промышленность. СПб., 1898. № 3. С. 190.

Н.К.Рерих
Гонец. «Восста род на род». 1897

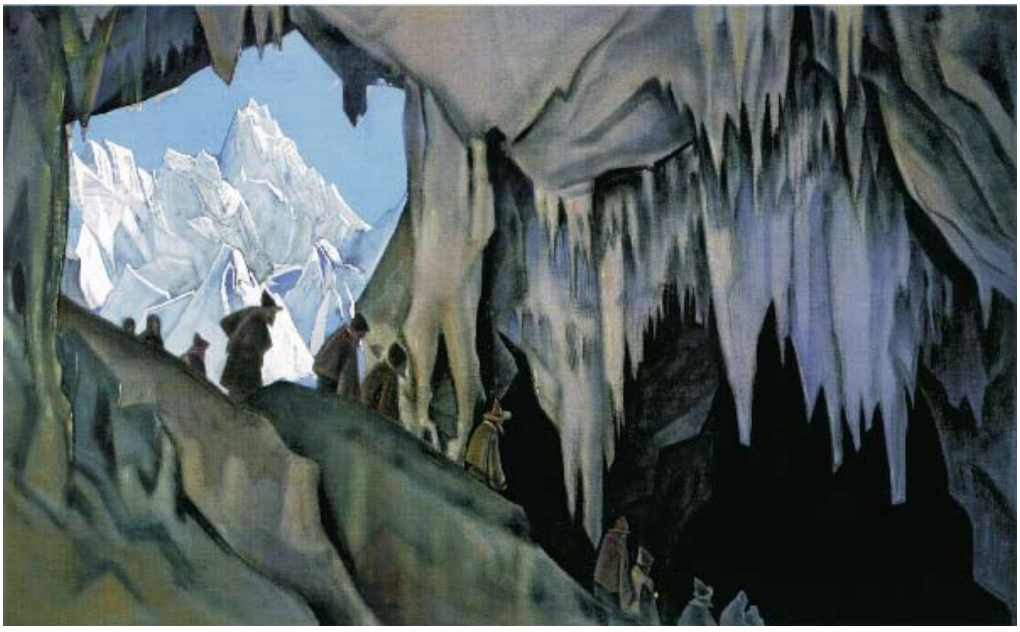
Н.К.Рерих
Заморские гости. 1901

Н.К.Рерих
Город строят. 1902

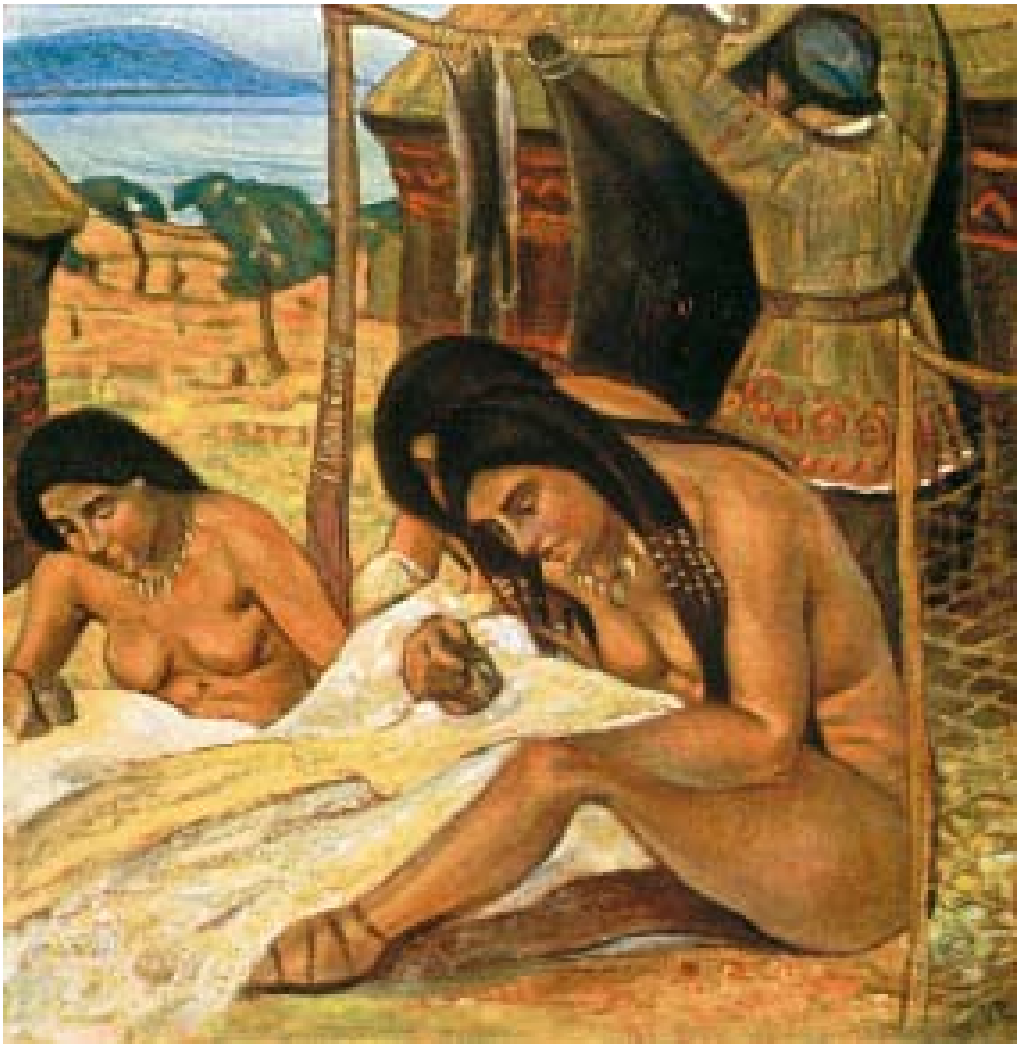
Н.К.Рерих
Поморяне. Утро. 1906



Н.К.Рерих
Борис и Глеб. 1942



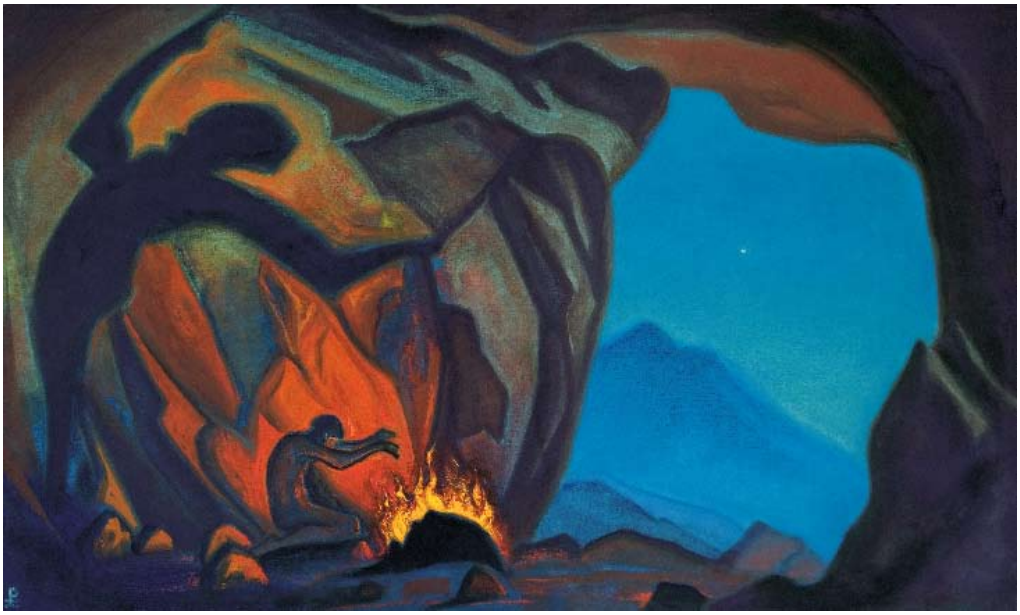
Н.К.Рерих
Чудь подземная. 1928–1930



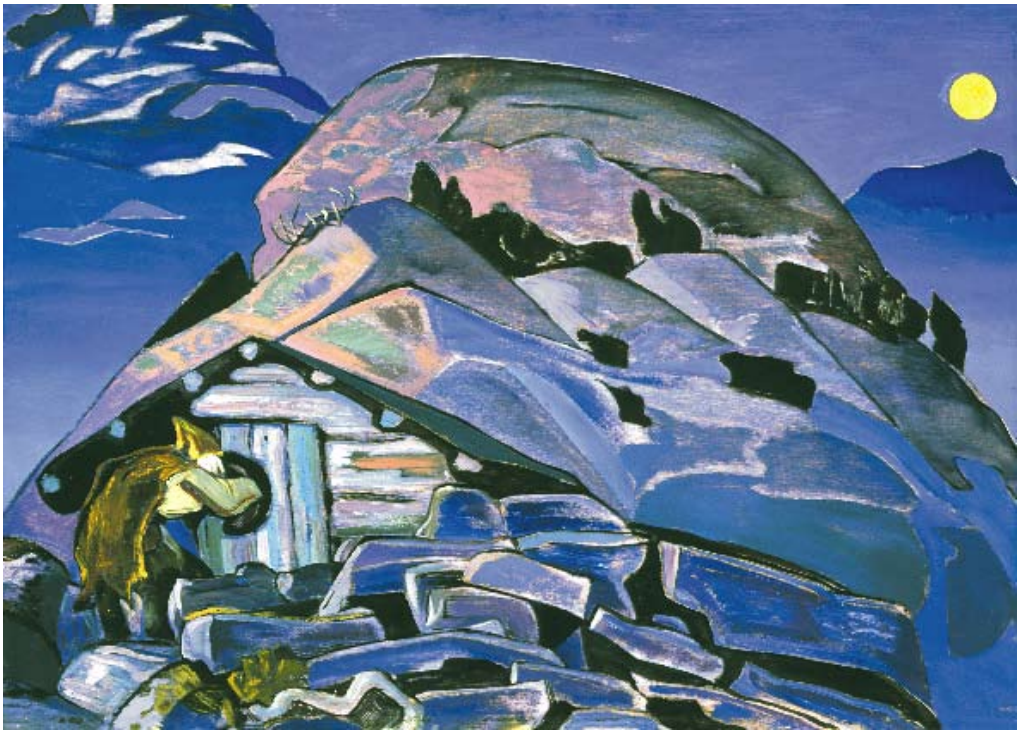
Н.К.Рерих
Задумывают одежду. 1908

Н.К.Рерих
Святилище. 1921

Н.К.Рерих
Баян. 1910

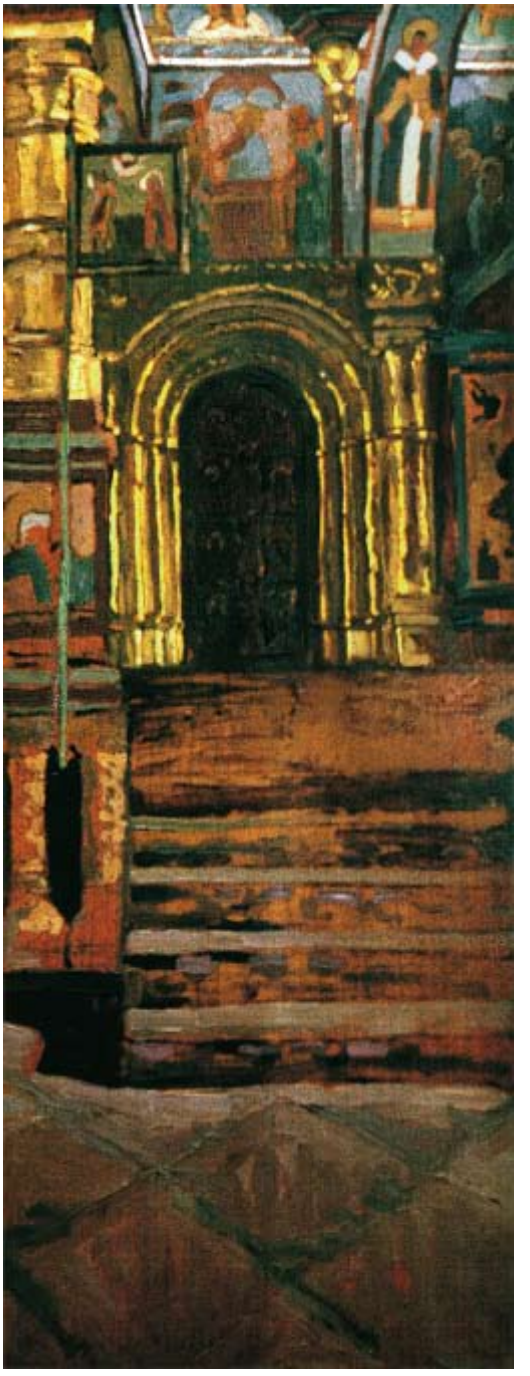


Н.К.Рерих
Заклинатель. 1943



Н.К.Рерих
Колдун. [1921]

Н.К.Рерих
Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь. 1900



Н.К.Рерих
Ростов Великий. Церковь Спаса на Сенях. 1903

Н.К.Рерих
Суздаль. Стены Спасо-Евфимиева монастыря. 1903

Н.К.Рерих
Нижний Новгород. Кремлевская стена. 1903

2. Загадочные картины. Пророчества

В этот же период у Рериха появилось несколько картин, отнести которые к вышеупомянутому ряду нельзя. Их было три: «Сокровище Ангелов» (1905), «Владыки нездешние» (1907) и «Книга Голубиная» (1911). Потом выяснится, что эти картины послужили началом того, что сам Николай Константинович называл «помимо историков» и что сыграло в его жизни как художника и историка важнейшую роль.

«Громадный камень, — писал С.Маковский о «Сокровище Ангелов», — черно-синий, с изумрудно-сапфирными блестками; одна грань смутно светится изображением распятия. Около, на страже, — ангел с опущенными темными крыльями. Правой рукой он держит копье, левой — длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них — вещие сирины. Сзади — все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»[1].

Годы спустя этот мифический камень вновь возникнет в его гималайском цикле. У камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, Артуровы рыцари Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из его современников вспоминал: «...мне пришлось видеть его (Рериха. — *Л.Ш.*) с группой друзей на “Парсифале”, и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»[2].

Годы спустя появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна Рерих, как всегда под псевдонимом.

На картине «Владыки нездешние» мы видим своды высокого собора, чем-то похожие и непохожие на известные

---

[1] Золотое руно. 1907. № 4. С. 5.

[2] *Бурлюк Д.* Рерих. Нью-Йорк, б/д. С. 24.

нам. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорчатом полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал эскиз. У каменной стены стоят двое, на них те же свободные темные одежды. Но персонажи прорисованы более четко, более определенно. В руках одного из них посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их у двери. На лицах раздумье, чуть смешанное с печалью. Они как будто слушают Время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая кованая дверь захлопнется за ними, и нездешнее станет здешним...

Давно по Руси ходило сказание о чудесной книге, прочтя которую все можно узнать. Книга никому не открывалась и открылась лишь царю Давиду Евсеевичу. И все, что было написано в этой книге, объявилось ему. И любознательный князь Владимир пошел к Давиду Евсеевичу и попросил:

«Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божии;
Про наше житие свято-русское,
Про наше житие свету вольного!
Отчего у нас начался белый, вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад-светел месяц?
Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренни?
Отчего у нас ветры буйные?
Отчего у нас дроблен дождик?
Отчего у нас ум-разум?
Отчего наши помыслы?
Отчего у нас мир-народ?
Отчего кости крепкие?
Отчего телеса наши?
Отчего кровь-руда наша?»[1]

[1] Перезвоны. Рига, 1926. № 13 (5). С. 362.

Как мы видим, князь Владимир задал целый ряд сложных научных вопросов, дать ответ на которые царь Давид Евсеевич уклонился. Но так или иначе, вероятно, все это содержалось в книге, которая в древности называлась «Глубинная», а затем почему-то стала «Голубиной». Четыре короля с лицами мудрецов склонились над книгой. На королях одежды, расшитые неизвестными знаками. За диковинным городом, в котором собрались короли, видятся горы...

Перед Первой мировой войной Николай Константинович написал еще одну серию картин, смысл которых стал ясен только после того, как война началась. Картины носили явно пророческий характер. Эта особенность, проявившаяся в Рерихе в начале века, затем продолжалась в его творчестве всю дальнейшую жизнь. Рерих написал эти картины между 1911 и 1914 годами.

На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозовые тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов.

В багровых отсветах и дыму пожаров во все небо неумолимо и неотвратимо встал «Ангел Последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и безжалостен. И еще картина, и опять ангел. Он неслышно подходит к воротам города. В руке пришедшего «Меч мужества». Но город спит.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное, нехорошее. На желтеющее рассветное небо надвигаются черно-лиловые тучи. «Вестник».

Зарево пожара охватило все небо. Пламя трепещет в окнах вставшего темной громадой замка. Повержен геральдический лев. «Зарево».

Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен, так он виден только с большой высоты. На холме стоит группа в девять человек. На них старинные платья, на лицах горе и глубокое потрясение. «Дела человеческие».

Особое внимание привлекла картина «Короны». Три короля стоят на земле. Над ними в небе возникают три облачные короны, улетающие куда-то вдаль. Смысл картины станет ясным несколько лет спустя, когда революция сметет три монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов.

Леонид Андреев, один из крупных писателей России, художественное творчество Рериха образно назвал «Державой Рериха». «Да, он существует, этот прекрасный мир, — писал Андреев, — эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в *своем* мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются “Покорением Казани” или декорациями к норвежскому “Пер Гюнту”, — даже и там он, “владыка нездешний”, продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию ви-

дел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским “нездешним” берегам». Очерк завершается, — не ошибусь, если скажу, — пророческими словами: «...не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства»[1].

Процитированный уникальный фрагмент относится к первой Державе Рериха. Другую он сотворил позже, уже на иной, далекой земле. Но обе эти державы тесно соприкоснулись друг с другом, ибо первая в действительности была изначальной основой второй. Русский писатель, проникнув в глубь рериховского творчества и коснувшись внутреннего мира художника и ученого, открыл важнейшую особенность этого творчества, составившую главную мировоззренческую основу всех областей, какими бы Рерих ни занимался. Эту основу можно назвать «нездешностью» или «инобытием», отбрасывая которую, — а это происходило и происходит до сих пор, — нельзя постичь уникальность и духовную глубину одного из великих людей XX века, основателя нового космического мышления.

Помимо научной, художественной и общественной деятельности, Рерих занимал и административные посты, долгое время руководя Школой Общества поощрения художеств. В 1909 году он становится членом Российской Академии художеств, а в 1910 году избирается председателем возобновленного «Мира искусства». Рерих активно участвует в выставках, много пишет и публикуется. Его известность растет от года к году. Но при этом он все более ощущает легочную недостаточность.

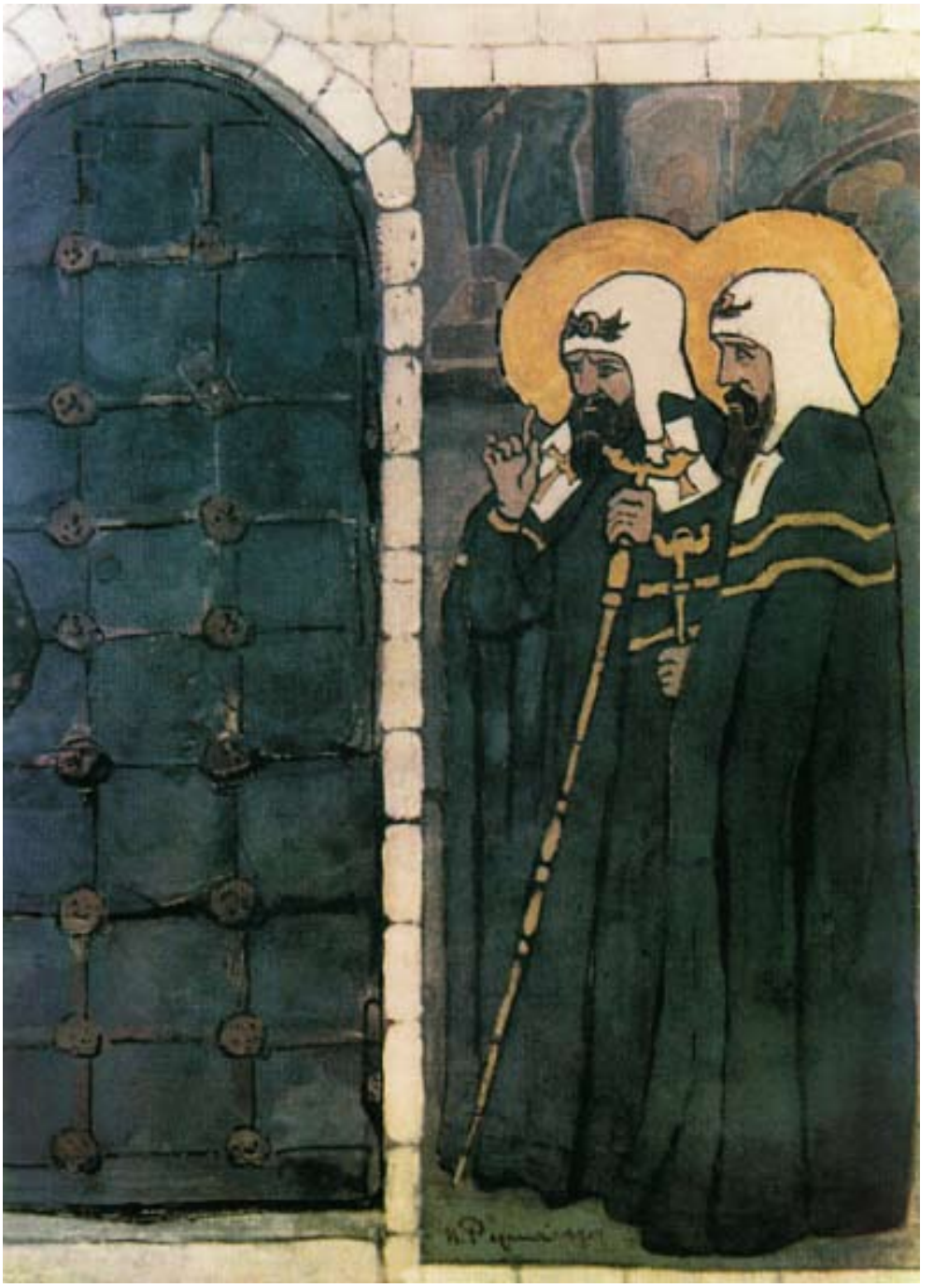
В 1916 году Николай Константинович вместе с семьей отправляется в Финляндию, в Сортавалу на Ладожском озе-

---

[1] Держава Рериха. М.: МЦР, 2004. С. 38–40.

ре. Воздух и климат тех мест благотворно действовали на его состояние. Здесь, в Финляндии, которая в то время была частью России, он встретил обе революции 1917 года — Февральскую и Октябрьскую. В 1918 году Финляндия объявила независимость и закрыла границу с Россией. Ряд авторов, пишущих о Рерихе, объясняли именно этим событием то, почему Рерих в то время не вернулся в Россию. Однако причина была совсем другая.

Н.К.Рерих
Сокровище Ангелов. Эскиз стенописи. 1905



Н.К.Рерих
Владыки нездешние. Эскиз. 1907

Н.К.Рерих
Книга Голубиная. 1911

Н.К.Рерих
Небесный бой. 1912

Н.К.Рерих
Зловещие. 1901

Н.К.Рерих
Ангел Последний. 1912

Н.К.Рерих
Меч мужества. 1912

Н.К.Рерих
Вестник. 1914

Н.К.Рерих
Зарево. 1914

Н.К.Рерих
Дела человеческие. 1914

Н.К.Рерих
Короны. 1914

Н.К.Рерих
Град обреченный. 1914

3. Зов Индии. Учителя

Николай Константинович с давних пор стремился в Индию, которая манила его не только как «страна чудес», но и как область интереснейших исторических исследований. Тогда, в 1918 году, перед ним стал выбор: или вернуться на родину, или воспользоваться пребыванием за рубежом, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту. Он выбрал последнее. Такому выбору содействовали определенные обстоятельства. Николай Константинович прекрасно понимал, что из России в Индию, английскую колонию, ему не попасть. Колониальные власти подозрительно относились не только к России, как таковой, но и к русским, которые изредка посещали эту страну. Зов самой Индии был непреодолимый и властный. Об этом он напишет так: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет»[1]. Читавшим эти строки тогда многое было неясным. Потом все окажется простым и понятным.

В 1914 году Рерих написал удивительный по форме и содержанию очерк — «Индийский путь». Он рассказал в нем о встрече с русским востоковедом В.В.Голубевым в Париже, в музее Чернусского, где в это время была выставка восточного искусства из частных коллекций. «Уже давно мечтали мы, — писал Рерих, — об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности»[2]. В.В.Голубев провел несколько экспедиций в различные страны Востока и теперь собирался в Индию. Его

---

[1] Цит. по: *Беликов П.Ф.* Николай Рерих и Индия // Сб.: Непрерывное восхождение. М., 2001. Т. 1. С. 312.

[2] *Рерих Н.К.* Глаз добрый. С. 177.

заинтересовала идея Рериха об общем древнем источнике славянской и индийской культур. А Рериха обрадовала возможность для русского ученого пройти в этом направлении.

«Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью. Обычаи, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи — все это было так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути. Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко»[1].

«К черным озерам, — писал Рерих в конце очерка, — ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепах. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь»[2].

Но через некоторое время Голубев отвлекся от индийской экспедиции, затем начались война, революции, и экспедиция не состоялась. И вот теперь, несмотря ни на что, у Николая Константиновича появилась такая возможность.

Индия стала на пути Рериха не просто событийной вехой, а целым культурно-историческим явлением. «Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, — отмечал Рерих, — живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до самого простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности для индуса будут самыми значительными высоко духовные предметы»[3]. Такая удивительная

---

[1] *Рерих Н.К.* Глаз добрый. С. 178.

[2] Там же. С. 179.

[3] *Рерих Н.К.* Врата в Будущее // Цит. по: *Шапошникова Л.В.* Мудрость веков. М., 1996. С. 43.

духовность имела свои причины. Время в Индии обладало своими особенностями. Бесследно исчезли с лица нашей планеты древние египтяне, шумеры, тольтеки... И лишь мертвые реликвии в сухой и выжженной земле напоминают о них. В Индии же память обо всех, кто когда-то прошел по ее древним дорогам, бьется горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, захороненная в покрытых скудной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. Ранняя заря каменного века австралоидных племен еще горит в фольклоре и танцах Южной Индии. Безупречно действовавший в течение веков и тысячелетий механизм культурной преемственности сформировал в «великом ритме» индийский культурный феномен. В этом феномене есть один важный момент, без которого нельзя понять ни самой страны, ни ее духовной традиции. Индия, как и любая другая страна, подвергалась нашествиям, вторжениям и даже завоеваниям. Но в отличие от других она довольно быстро ассимилировала культуру пришельцев, превращая ее в органическую часть уже сложившегося своего культурного комплекса. Эта загадочная способность не объяснена и не изучена. Джавахарлал Неру утверждал, что Индия на заре истории была уже «зрелой во многих отношениях»[1]. Это — «зрелая во многих отношениях» — проливает какой-то свет на такую способность, хотя и не объясняет самого феномена. В течение веков и тысячелетий Индия ассимилировала иранцев и греков, парфян и бактрийцев, скифов и гуннов, тюрков и евреев. «...В прошлом, — писал Д.Неру, — господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом этой культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась в общем без изменений»[2].

---

[1] *Неру Д.* Открытие Индии. М., 1955. С. 72.

[2] Там же. С. 77.

Неру связывал «тяготение к синтезу» с индийским философским мировоззрением. Возможно, в какой-то мере он прав, придавая философскому мировоззрению такое значение. Оно, без сомнения, составляло суть многовековой духовной традиции Индии, формировавшейся в русле ее культурной непрерывности. Сама духовная традиция, складывающаяся, казалось бы, из самых разных компонентов, таких как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления. Эти особенности «поверх» дают нам возможность увидеть существенные «непреходящие» моменты самого явления и понять то, что Неру назвал «философским мировоззрением», а один из крупнейших индологов мира Макс Мюллер — «коррективами». «И если бы я, — писал последний, — сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас — евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более человечным, обращенным не только к этой жизни, но и к жизни вечной, — я опять-таки указал бы на Индию»[1].

Различные философские системы Индии возникали на многовековом дереве духовной традиции, подобно свежим побегам, питавшимся теми же корнями, которые взрастили их предшественников. Старое не отрицалось, не отсекалось, а как бы канонизировалось в новом своей лучшей частью, в первую очередь той, которая была способна к развитию, дальнейшему движению и трансформации. В результате, например, в трудах ведантистов мы находим продуманный анализ других философских систем, таких как чарвака, буддизм, джайнизм, санкхья, йога, миманса, ньяя, вайшешика.

В основе этого исторического механизма лежала концепция диалектического единства прошлого, настоящего и

---

[1] Цит. по: *Неру Д.* Открытие Индии. С. 90.

будущего. Эта концепция и формировала индийскую духовную традицию, как таковую. Не исключено, что именно эта концепция, действовавшая в течение многих веков, привела к тому, что в стране не существовало противостояния элитарной культуры народной. Одни и те же идеи, одни и те же истины воспринимались и использовались самыми различными слоями индийского общества в форме, соответствующей сознанию и образованности этих слоев. Богатая устная традиция играла при этом важнейшую роль.

Народ знакомился с философскими истинами через эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», через мифологию Пуран и заклинания Вед, через устные рассказы о жизни Будды. Однако ни жрецы в храмах, ни деревенские сказители не смогли бы сами по себе сформировать упомянутое Д.Неру философское мировоззрение целого народа. Этим занимались другие. Я имею в виду древний институт духовного наставничества, сохранившийся в Индии до наших дней. Санскритское слово «гуру» (духовный учитель) со временем получило такое же распространение на планете, как и русское «спутник».

Гуру были разные: последователи ортодоксальных систем, самобытные философы, просто чуткие и мудрые люди. Но все они, несмотря на различия, творили духовную традицию, не давали ей умереть и бережно передавали из поколения в поколение. Гуру как бы замыкали на себе бесконечную цепь культурной преемственности. Несмотря на различия в методах и идеях, они несли в себе непреходящие черты индийского философского мировоззрения. В течение веков духовная традиция Индии вырабатывала в человеке одно из важнейших качеств — молитвенное отношение к Красоте в ее глубинном, философском смысле.

Осмысливая суть духовной традиции, Д.Неру писал: «...мы очень древний народ, и мы слышим шепот столетий, отошедших в незапамятное прошлое. Однако мы знаем, как обретать молодость вновь, хотя воспоминания и мечты этих минувших веков остаются с нами. На протяжении всех этих долгих столетий не какая-нибудь тайная доктрина или сокровенные знания поддерживали жизнеспособность Индии, а величайшая гуманность, разнообразная и исполненная терпимости культура и глубокое понимание жизни и ее таин-

ственных путей»[1]. Без восприятия этого «шепота столетий» не существовала бы ни такая культура Индии, ни ее стержень — духовная традиция. Именно «шепот столетий» побуждал индийца поклоняться не только Красоте, но и Мудрости и Знанию. Народ Индии, в отличие от народов многих других стран, обожествил создателей философских систем, мудрецов и учителей. Если в Древней Греции поклонялись богам и героям, то в Индии — богам и мудрецам, а потом уже героям. Мудрецы — создатели и творцы духовной традиции Индии — были ее особым явлением. Мудрецы первого поколения согласно мифологической традиции — не только культурные герои, просвещавшие народ и обучавшие различным ремеслам, они были связаны с Космосом. Созвездие Большой Медведицы в Индии называют Саптариши — Семь Мудрецов. От этих семи мудрецов пошли и остальные, каждый из которых оставил свой след не только в мифологии Индии, но и в ее истории. Родословная мудрецов шла через многие века и дошла до XX века. В любой другой стране существование подобных мудрецов в наше время подверглось бы явному сомнению или просто отрицанию. В любой стране, но не в Индии, где слышен «шепот столетий». Среди исторических мудрецов Индии были «чистые» философы, религиозные реформаторы, политические деятели. Будда и Махавира, Нагарджуна и Нагасена, Шанкара и Рамануджа, Рамакришна и Вивекананда, Ауробиндо Гхош и Махатма Ганди, такие разные по своим идеям и деятельности, были едины в гуманистическом устремлении осмыслить культурно-историческую эволюцию человечества, помочь человеку стать более совершенным и осознать свое место в этой эволюции.

Одних мудрецов мы знаем, другие остаются для нас анонимными, плотно сокрытыми цветным занавесом мифа. Но есть среди них и те, для которых анонимность является не мифом, а реальностью. В течение веков целые группы мудрецов и учителей оставались как бы за экраном истории. Они достигали высоких ступеней на лестнице духовного совершенствования. Некоторые из них, появляясь в миру, нередко занимали высокое социальное положение, но оставляли как

[1] *Неру Д.* Открытие Индии. С. 156.

бы в тени свою связь с институтом мудрецов. Можно, например, вспомнить об императоре Ашоке из династии Маурьев или об императоре Акбаре из династии Великих Моголов. В обоих случаях Власть, соединившаяся с Мудростью, давала плодотворные исторические результаты.

Великих Мудрецов называли Махаришами или Махатмами — Великими душами. Николая Константиновича Рериха тоже назвали Махариши. На памятном камне на месте его кремации в гималайской долине Кулу высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Вихрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам». Этим завершился индийский период жизни Николая Константиновича. Он открывал новые пути в науке, в искусстве, он открыл их и в Индии.

Вместе с семьей он покинул независимую Финляндию в 1919 году. Их было четверо: Николай Константинович, Елена Ивановна и их сыновья Юрий и Святослав. Следует сразу сказать, что необычный труд, который был целью самого Рериха, лег на плечи всей семьи. И все, что впоследствии совершалось, делалось всеми, у каждого была своя часть общего труда. Через Швецию, где состоялась выставка картин Николая Константиновича, семья приехала в Лондон, затем прибыла в США, где Рерих вел большую культурно-просветительскую работу и создал в Нью-Йорке Музей Николая Рериха, куда отдал значительную коллекцию своих картин. Затем он направился во Францию, откуда из Марселя отплыл в 1923 году в Бомбей. Из Бомбея Рерихи совершили путешествие по Индии и посетили известные исторические места — Дели, Агру, Джайпур и другие. Затем прибыли в Калькутту, а оттуда в Дарджилинг, в котором задержались почти на год. Сначала в Лондоне, а затем в Дарджилинге у Николая Константиновича и Елены Ивановны состоялись две знаменательные встречи с Учителем, информацию о котором они получили еще в Финляндии. После этих встреч вся дальнейшая деятельность Рерихов проходила под руководством Учителя, имя которого долго не раскрывалось. Николай Константинович писал об этом крайне осторожно и завуалированно, не желая подвергнуть Учителя невежественной и пошлой молве.

«Мы четверо, — пишет он в экспедиционном дневнике, — после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидали на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует»[1]. Но встреча с «ламой» все же состоялась. Она произошла в небольшом храме, который стоял у дороги, ведущей от Дарджилинга к буддийскому монастырю Гум.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в жизни Рериха произошел какой-то новый поворот. Этот поворот был связан с рядом особых обстоятельств, о которых многие авторы, пишущие о Рерихе, предпочитали умалчивать. Ибо события, возникавшие на его пути, оказались столь уникальными, необычными и эмпирически трудно доказуемыми, что спокойнее было совсем о них не упоминать. Тем не менее факт связи Рерихов, и Николая Константиновича и Елены Ивановны, с Учителями прослеживается по всему рериховскому наследию, научному, художественному и философскому.

Учителя были блестящими историками не только в теории, но и в деятельной практике. Рерих стал их выдающимся учеником, что наложило значительный отпечаток на него как на историка, и пренебрегать подобным обстоятельством не следует. Ощущение предстоящего поворота в жизни Рериха мы находим уже в его живописи начала века. Три загадочных сюжета — «Владыки нездешние», «Сокровище Ангелов» и «Книга Голубиная» — через некоторое время как будто ожили в реальном бытии художника и ученого. «Владыки нездешние» — это Учителя, реализующие в своей деятельности Великий закон Космоса об учительстве. «Сокровище Ангелов» — это метеорит из созвездия Орион,

---

[1] *Рерих Н.К.* Избранное. М., 1979. С. 158–159.

обладающий высокой космической энергией, осколок которого был прислан Рериху на адрес его парижского банка. И наконец, «Книга Голубиная», включавшая в себя знания по Мирозданию и космической эволюции, была прообразом книг Живой Этики, в которых содержались философия космической реальности и система познания нового космического мышления. Живая Этика была создана Учителями в сотрудничестве с Еленой Ивановной Рерих. Все творчество Николая Константиновича Рериха было пронизано космическими идеями Живой Этики.

Ну и последнее: почему именно нашим соотечественникам была поручена такая миссия — донести до России идеи нового космического мышления и новой системы познания. Дело в том, что в начале прошлого века наиболее талантливые русские ученые, такие как В.И.Вернадский, А.Л.Чижевский, К.Э.Циолковский, П.А.Флоренский, а также выдающиеся художники и философы стали пионерами нового мышления, нового подхода к исследованиям Мироздания и особенностей космической эволюции. Именно Россия, более чем какая-либо другая страна, была готова к принятию «Книги Голубиной». Эти ученые обратились к Востоку, и в первую очередь к индийской философии. «Под влиянием современной науки, — писал академик В.И.Вернадский, — новых областей знания в первую голову, началось, может быть, в связи с этой неожиданной ее (индийской философии. — *Л.Ш.*) близостью к новым научным концепциям, после многовекового перерыва, возрождение философской работы в Индии на почве единой древней философии и мировой современной науки. Она оживает и возрождается — находится на подъеме, когда философия Запада все еще на ущербе»[1].

Почти полстолетия спустя академик А.Л.Яншин скажет: «И на основании литературных произведений, а отчасти на основе художественного творчества, Н.К.Рерих должен быть причислен к той плеяде крупных ученых, которые еще до полета в Космос приближали время изучения Вселенной, изучения Земли из Космоса, то есть рядом с фамилиями

---

[1] *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 75.

К.Э.Циолковского, А.Л.Чижевского, В.И.Вернадского, конечно, должна быть поставлена фамилия Н.К.Рериха»[1].

Осмысливая связь идей Рериха и ученых, формировавших новое космическое мышление, мы должны помнить о тех, кто стоял за русским художником и ученым. «Благословен народ, — писал Рерих, — вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни»[2].

Безусловно, для Николая Константиновича общение с Риши, Учителями и Мудрецами было самым важным в индийском периоде его творчества, и научного и художественного. Это общение определило культурно-историческую позицию Рериха, сделало ее ясной и действенной. Понимая все значение Индии для мировой культуры и особенно России, он не ограничился исследованием лишь общности древних корней Индии и России. Он как бы растворился в Индии, изучая ее народ, культуру, традиции, ее историю, которая привлекала его еще с молодых лет. По уровню знаний об этой стране он вполне мог считаться не только историком, но и востоковедом или, вернее, индологом. Уровень его подготовки и знаний мог соперничать с канонизированными учеными. От последних его отличали знания не только теоретические, но и практические, что в то время в европейской науке было редкостью.

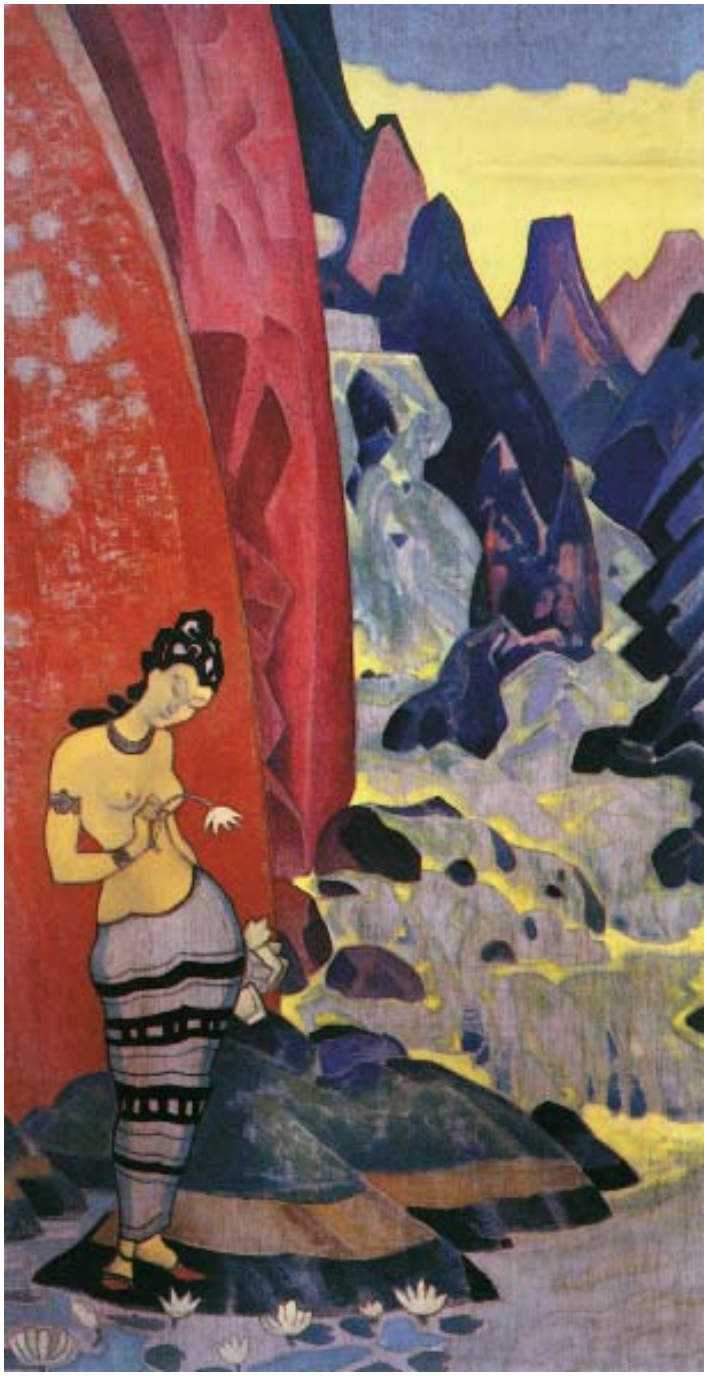
---

[1] Наука в Сибири. 1984. 10 нояб.

[2] *Рерих Николай.* Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, [1933]. С. 252.

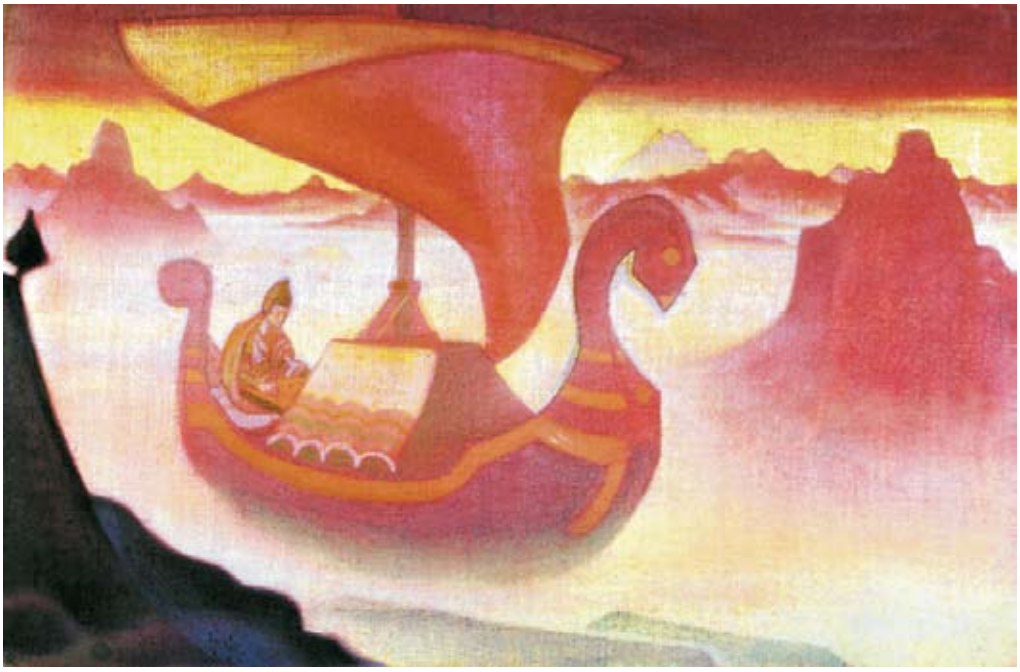
Н.К.Рерих
Fiat Rex. Триптих. 1931

Н.К.Рерих
Огни на Ганге. 1947

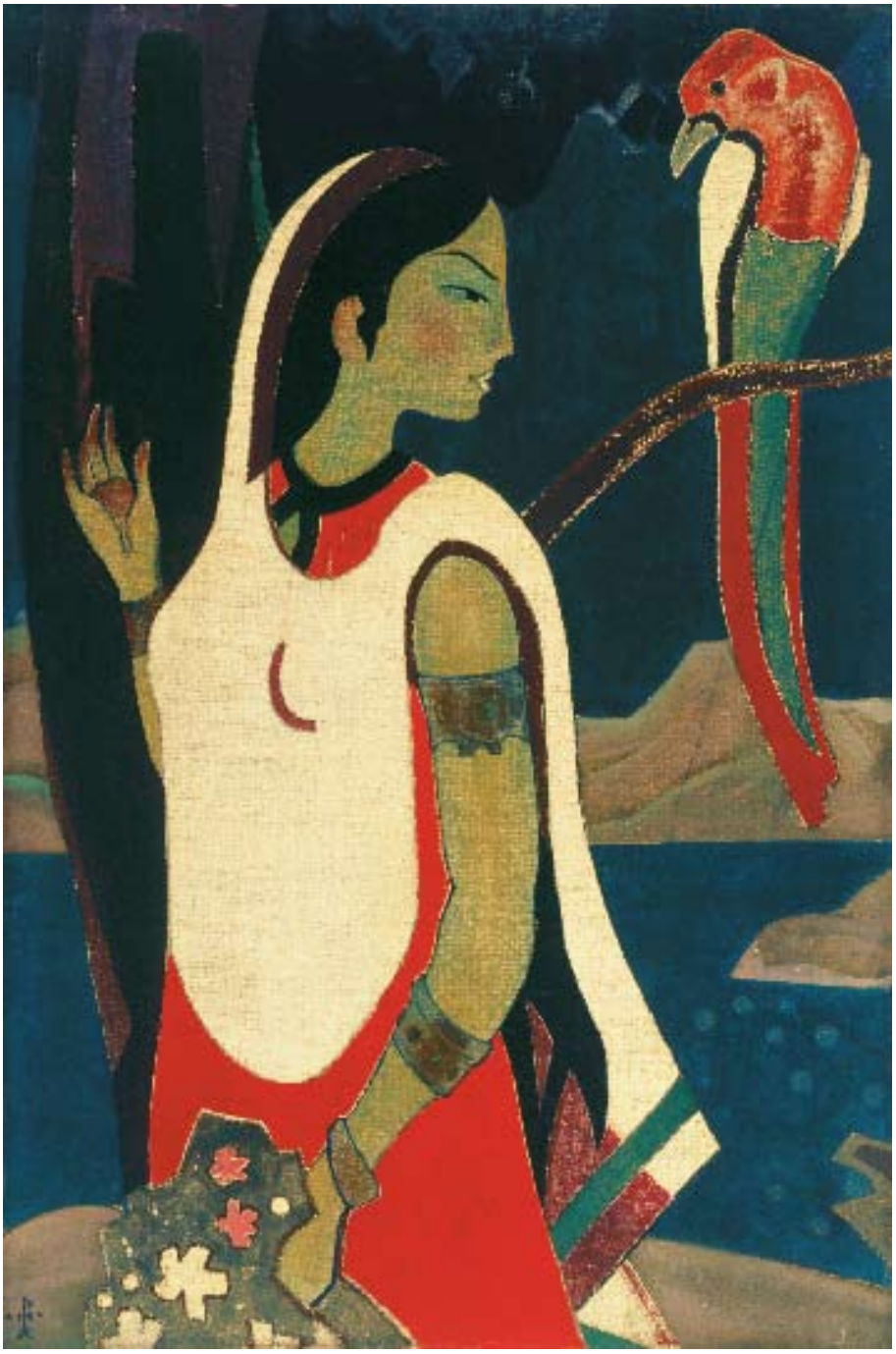


Н.К.Рерих
Песнь водопада. 1920

Н.К.Рерих
Песнь утра. 1920



Н.К.Рерих
Неведомый певец. 1920



Н.К.Рерих
Язык птиц. 1920

4. Путешествие в пространстве и времени. Центрально-Азиатская экспедиция

Тогда, в Дарджилинге, где состоялась встреча с Учителями, Рерих начал подготовку к Центрально-Азиатской экспедиции, задачи которой были детально обсуждены с Учителями. В экспедиции, которая являлась крупнейшей в XX веке, участвовали, не считая экспедиционного состава, сам Рерих, его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич, к тому времени ставший уже профессиональным востоковедом и лингвистом. Центрально-Азиатская экспедиция началась в 1924 году в Сиккиме, небольшом королевстве по соседству с Британской Индией, затем перебазировалась в индийское княжество Кашмир. Из Кашмира ее маршрут пролег в Ладак, из Ладака через Каракорум экспедиция двинулась в китайский Синьцзян, в районе которого была пересечена граница с советской Средней Азией, и прибыла в Москву. Из Москвы отправились в Сибирь, оттуда на Алтай и через Бурятию вошли в Монголию, из нее попали в Тибет, из Тибета через неизведанные еще Трансгималаи двинулись на Сикким, а оттуда прибыли в Дарджилинг. Экспедиция как бы совершила за четыре года (1924–1928) грандиозный круг, то, чего не сделала ни одна экспедиция в XX веке. Почему был выбран именно такой маршрут? Ответ на это можно получить, исследуя не только путь экспедиции, но и исторические взгляды Рериха. Центрально-Азиатская экспедиция была самым важным, если не самым главным, событием в жизни Рериха, как бы ее кульминационным пунктом, где сошлись многие обстоятельства, сделавшие жизнь Рериха столь необычной.

На сиккимском маршруте экспедиции лежали старинные монастыри: Пемаянцзе, Ташидинг, Сангачелинг, Дублинг. Николай Константинович подолгу беседовал с их настоятелями, встречался с ламами, отшельниками и мудрецами. Монастыри принадлежали секте красных шапок, высокие ламы которой считались хранителями древних тайных знаний. Легенды связывали источник этих знаний со священной Канченджангой, Горой Пяти Сокровищ. За легендами и мифами стояла какая-то неизвестная еще реальность. Но русский художник соприкоснулся с этой реальностью и отразил

ее в своих сиккимских полотнах. Реальность была похожа на легенду. Окончательный маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был разработан здесь, в Сиккиме. Николай Константинович и Елена Ивановна, общаясь с мудрецами и хранителями тайных знаний, сумели четко определить цели экспедиции. «Кроме художественных задач, — отметил впоследствии Рерих, — в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне»[1].

Весной 1925 года Рерихи прибыли в Кашмир. В Сринагаре они остановились в старом английском отеле «Недоу». Однако большую часть своего времени проводили в поездках по княжеству. Первые впечатления от Кашмира были яркими и незабываемыми. «Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракхшита и многие другие <...> Здесь и трон Соломона, и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки»[2]. В Кашмире на пути экспедиции возникли первые препятствия. Ее продвижению мешали.

С большим трудом было получено разрешение отправиться в Ладак. Из Сринагара в главный город Ладака Ле вела старинная караванная дорога. По ней в конце августа 1925 года экспедиция вошла в Ладак. «Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, пришли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром — крепкие заморозки. В полдень — ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные зла-

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. М., 1998. С. 12–13.

[2] Там же. С. 13.

ки — все готово принести дары. Здесь возможны большие решения»[1]. В отличие от мусульманского Кашмира Ладак был буддийским. Здесь сохранилась основа древней традиционной культуры. Рерих зарисовывал и исследовал старинные крепости и монастыри, древние святилища и наскальные рисунки, неизвестные погребения и старинную одежду. Ле стоял на пересечении древних караванных путей. Сюда стекалась странствующая, кочевавшая и торговавшая Азия. Караваны везли товары из Индии, Китая, Тибета, Афганистана. Приходили ламы в красных одеяниях. Они торговали тибетскими реликвиями и талисманами. Мелькали черные и голубые тюрбаны балтов, степенно прогуливались по узким улочкам города длиннобородые аксакалы из Синьцзяна. Время от времени возникали странно и причудливо одетые хранители древних знаний. Отсюда вели пути в священную Лхасу и китайский Туркестан. Над городом сверкали вечные снега Каракорума. Осенью того же года экспедиционный караван покинул Ле и направился к белоснежному хребту.

За двенадцать дней экспедиция прошла пять перевалов. На ее пути было все: обледеневшие отвесные скалы и метели на перевалах; горная болезнь и жестокий мороз, при котором стыли руки и нельзя было ни рисовать, ни писать; тропы, усеянные костями погибших караванов; снегопады и пронизывающие ветры; сердечная недостаточность и лошади, срывающиеся в ледяные расселины.

За Каракорумом кончались Гималаи и начиналась громадная древняя равнина, опаленная и иссушенная по краям великими пустынями Азии. В розовой мгле возникла великая пустыня Такла-Макан. На китайском пограничном пункте у путешественников проверили паспорта. Засыпанная песком дорога вела на Хотан. Экспедиционный караван шел по Великому шелковому пути. Пустыня дышала жаром. По дороге попадались войлочные юрты киргизов, глинобитные домики, мазары[2], грязные и пыльные поселки. Рерих расспрашивал о древних городах, о буддийских храмах, некогда стоявших здесь. Но никто ничего о них не знал. Седобородые аксакалы качали головами и вздыхали.

---

[1] *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 74.

[2] *Мазары* — гробницы мусульманских святых. — *Ред.*

В Синьцзяне было неспокойно, ползли слухи о произволе, чинимом хотанским амбанем. К середине октября экспедиция подошла к Хотану. Пыльный, шумный город производил удручающее впечатление. Ничего подходящего для стоянки найти не удалось. Расположились в саду, в самом центре города. Толпы любопытных бездельников, одетых в живописные лохмотья, осаждали прибывших. Они шумели, мешали отдыхать, не давали работать. Николай Константинович и Юрий Николаевич нанесли визит даотаю, хотанскому губернатору. Во время визита за их спинами стояли вооруженные охранники. Губернатор Ма, разыгрывая гостеприимного хозяина, вежливо улыбался и щурил узкие глаза. И было что-то двусмысленное и скользкое в этом губернаторском прищуре. Через несколько дней власти не признали китайского паспорта Рерихов и потребовали паспорт царской России. Отобрали оружие, запретили вести научную работу и рисовать. Солдаты пришли с обыском. Экспедицию фактически арестовали. Потянулись томительные дни ожидания и бесполезных переговоров. Телеграммы, которые посылал Рерих, сообщая о бедственном положении экспедиции, возвращались обратно.

Наступила зима. Снег покрыл унылые окрестности Хотана. «Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать»[1], — записал Николай Константинович в своем дневнике. Они наняли верблюдов, нашли проводников. Но вырваться не удалось. Путешественники оказались пленниками тупого даотая и невежественного жестокого амбаня. Наконец, с большим трудом Николаю Константиновичу удалось найти надежного человека и отправить с ним письмо советскому консулу в Кашгар. «Уважаемый господин консул! — писал он. — Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана <...> Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву...»[2]

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 15.

[2] Там же.

Советский консул немедленно принял меры. Синьцзянский генерал-губернатор издал приказ об освобождении экспедиции. В конце января 1926 года экспедиция покинула Хотан и к февралю достигла стен Кашгара. После Кашгара вновь началась пустыня. Мерный ход каравана убаюкивал, навевал свободные широкие мысли. «...Мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры <...> На песке пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам»[1]. Теперь путь вел на север. Туда, где через пустыни и горы протянулась заповедная граница. Рерих много думал о предстоящей встрече с Родиной. Он не представлял себе, какой она стала. Ночлеги были спокойными. Все как будто благоприятствовало им. И Николай Константинович снова находил для увиденного точные и образные слова. «Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневый столб. За этими горами русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине — наши палатки. Сверху глядит Орион»[2].

В Урумчи Рерих связался с советским консулом А.Е.Быстровым. Вскоре пришло разрешение на въезд в Советскую Россию, подписанное наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным. Рерих оставил консулу на хранение свой дневник и завещание. Он не был уверен, что экспедиция благополучно дойдет до советской границы. В случае гибели экспедиции все ее имущество и картины переходили советскому правительству. Из Урумчи экспедицию провожали советский консул и его сотрудники. На дорогах снова было неспокойно. Время от времени на гребнях гор появлялись всадники. Они что-то высматривали, но к каравану не приближались. Экспедиция продвигалась осторожно, высылая вперед разведчиков. Зорко следили за неизвестными всадниками. Нефритовые горы миновали благополучно. За ними появился Тарбогатай. На последнем китайском пограничном посту их особенно долго и придирчиво досматривали. Из-за этого пришлось заночевать. Взошла луна и залила голубым светом окрестные горы. За ними, совсем близко, лежала граница родной страны.

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 15.

[2] Там же.

А на следующий день: «Здравствуй, земля русская, в твоем новом уборе!»[1] Навстречу прибывшему каравану вышел вежливый и подтянутый начальник погранзаставы. Красные звезды горели на фуражках пограничников. 29 мая 1926 года Центрально-Азиатская экспедиция пересекла советскую границу в районе озера Зайсан. Первая встреча с людьми новой России ошеломила и обрадовала. «Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?!»[2]

13 июня Рерихи прибыли в Москву. Николая Константиновича приняли два наркома: Г.В.Чичерин и А.В.Луначарский. Оба проявили большой интерес к экспедиции, детально расспрашивали о пройденном пути, обещали поддержку. Из Москвы двинулись через всю страну к Алтаю. Летом же 1926 года экспедиция прибыла туда. Старообрядческое село Верхний Уймон стало «штаб-квартирой» экспедиции. Рерихи поселились в доме Вахрамея Атаманова, который согласился быть их проводником. Они собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы, любовались наскальными рисунками. Внимание художника неизменно приковывали белоснежная гора Белуха и легенды, связанные с нею. Легенды эти были таинственны и загадочны. В них сквозило что-то недосказанное и запретное. Отзвуки необычных событий, намеки на великих странников, слухи о тайных местах в горах и, наконец, рассказы о чудесной стране Беловодье — все это сплеталось в причудливые узоры народной фантазии и полузабытой реальности.

Рерих искал следы этой реальности, которые давали о себе знать самым неожиданным образом. «В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда? Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоак-

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 16.

[2] Там же.

тивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта»[1]. Кажется, что сведения, сообщенные Рерихом, носят отрывочный характер. Но знания, приобретенные художником в долгом путешествии, позволяют ему связывать воедино разрозненные факты. Староверческое Беловодье и буддийская Шамбала — источник один. Извечная мечта человека о стране справедливости. Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду. Может быть, он когда-то проходил по Алтаю? Ведь Алтай и Гималаи — единая горная система. Бесконечны ходы неизведанных пещер. «От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; “длинное ухо” знает о тайных ходах. Сколько людей спаслись в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в жар-цвет». А несколько позже он скажет: «О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев»[2]. Так возникал замысел книги о Центрально-Азиатской экспедиции «Алтай — Гималаи».

19 августа 1926 года экспедиция двинулась через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию. Урга, столица Монголии, стояла на равнине, окруженной горами. Сверкали золоченые крыши буддийских храмов. На площади города скакали всадники революционной армии. Марширующие отряды проходили по узким улицам. Иногда солдаты пели:

Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.

Николай Константинович узнал, что песню написал вождь монгольской революции Сухэ-Батор. В этой песне древняя легенда как бы слилась с тем революционным динамизмом, который охватил старинный город. Сверкнула еще одна грань реальности. Художник подарил правительству новой Монголии свою картину. Картина называлась «Вели-

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 17.
[2] Там же.

кий всадник». Полотно напоминало жизнь самой Монголии. В ней слились воедино традиционное и новое. В алых облаках по небу мчался всадник на красном коне. Всадник трубил в раковину, и лицо его было похоже на храмовую маску. Впереди него, как вестники Грядущего, летели красные птицы.

Здесь, в Урге, предстояло решить, каким путем идти на Тибет. Дороги из Монголии были ненадежны. В степях и горах пограничных районов на караваны нападали воинственные тибетские племена и шайки бродячих разбойников. Пржевальский и Козлов шли из Урги на Тибет через горы Гурбун, Сайхан, Алашань. Теперь этот путь был закрыт. Оставалась караванная дорога на Юмбейсе-Аньси. Информация об этой дороге была крайне скупа. Но выбора не было. Перед выходом на Тибет предстояло пополнить состав экспедиции, набрать надежных проводников. Часть снаряжения Рерих получил из запасов, которые были оставлены в Урге экспедицией Козлова.

Пока шла подготовка, Николай Константинович налаживал связи с Лхасой. Загадочный и далекий город стоял где-то там, за монгольскими степями, пустыней Гоби, Гималайскими хребтами. Торговый караван повез письма из Урги в Лхасу. Ответ прибыл через три месяца. Центрально-Азиатской экспедиции Рериха разрешили войти в Тибет и посетить Лхасу. Но Рерих знал, что в священном городе ведут себя не всегда логично. Незадолго до этого в Лхасу не пропустили русского путешественника Козлова, имевшего личное приглашение далай-ламы.

В апреле 1927 года экспедиция покинула Ургу и направилась к реке Тола. С трудностями, но без особых приключений добрались до пустыни Гоби. Она не была похожа на Такла-Макан. В Гоби не было давящей беспощадности. Дорога, шедшая через Гоби, была пустынна. За все время пути они встретили несколько подозрительных всадников и китайский караван. За Аньси пополнили запасы продовольствия и двинулись к Цайдаму. У Шарагола экспедиционный лагерь смыло селевым потоком. Погибли некоторые коллекции и часть экспедиционного имущества.

За время дальнейшего пути происходили разные события, но одно запомнилось Николаю Константиновичу больше всех. В один из дней в лагере появился всадник. «Его золото-

тканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и выслать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени»[1].

Переход через Цайдам начался 19 августа 1927 года. Экспедиция продвигалась по короткому, еще неизвестному пути. Цайдам был покрыт соляными болотами. Пришлось идти по ненадежной соляной корке. Переход продолжался и ночью. Останавливаться было нельзя. И только на следующее утро вновь начались пески. Вдали синели горы, за которыми был Тибет. Экспедиция вошла на территорию племени голоков, не подчинявшихся ни китайскому губернатору, ни Лхасе. Голоки появились в первом же ущелье. Вестник в золототканом кафтане сказал правду. Экспедицию ждала засада. Караван остановился, дожидаясь, когда подтянутся идущие сзади. К противнику были направлены парламентеры. Вид вооруженного каравана охладил пыл нападающих. С криками и гиканьем они исчезли в утреннем тумане. Был уже сентябрь, и Тибет встретил экспедицию буранами и мокрым снегом. Караван поднялся на перевал Танг-ла. Оттуда открылся вид на Тибетское нагорье. От горизонта до горизонта тянулись снежные хребты, похожие на волны застывшего моря. Воздух был сухим и разреженным. Когда экспедиция вошла в долину Шенди, ее остановил отряд тибетских солдат.

Пришлось разбить незапланированный лагерь. На следующий день прибыл командир задержавшего караван отряда. Командир пересчитал верблюдов и лошадей и велел открыть ящики, где находился экспедиционный груз. Вслед за ним приехал важный чиновник от губернатора Нагчу. Он допросил Николая Константиновича и написал донесение в Лхасу. Экспедицию не пропустили ни в Лхасу, ни даже в Нагчу. Ее задержали и оставили в летних палатках на плато, похожем на арктическую тундру. Пологие осыпающиеся горы окаймляли его по краям. Наступала зима. Пошли снега, и метели

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 18.

потянули по смерзшимся камням белые шлейфы. Николай Константинович пытался связаться с Лхасой. Его посланцы уходили и больше не появлялись. Морозы доходили до шестидесяти градусов. В аптечке замерзал коньяк. Дули ураганные ветры. Офицер зорко следил за тем, чтобы не было никаких контактов с редко проходящими караванами. Он запретил экспедиции покупать продовольствие у местных кочевников. Связь с миром прекратилась.

«Тибетское стояние» Центрально-Азиатской экспедиции продолжалось шесть страшных месяцев. Плато Чантанг находится на высоте 4–4,5 тысяч метров над уровнем моря. Суровая зима на таких высотах губительна для людей и животных. Умерло несколько человек, погибли караванные животные, но основной состав экспедиции все-таки выжил в этих невероятно тяжелых условиях. Много лет спустя станет известно, кто обрек экспедицию на гибель и кто не хотел возвращения Рериха в Индию. Документы, найденные в архивах независимой Индии, свидетельствуют против колониальных властей Индии и английской разведки.

И все-таки Рерих одержал трудную, почти невозможную победу над стихией и враждебным людским заговором. Экспедиция вырвалась из смертельных объятий морозного плато. Ее дальнейший путь пролегал по неисследованной области Трансгималаев. Центрально-Азиатская экспедиция вернулась в Индию, в Дарджилинг, в 1928 году. В конце этого года Рерихи поселились в Западных Гималаях, в долине Кулу.

Центрально-Азиатская экспедиция по праву может претендовать на особое место среди экспедиций XIX и XX веков. Пожалуй, ни одна из известных нам экспедиций не дала такого количества первоклассного художественного материала, как экспедиция Рериха. Картины, написанные выдающимся художником как во время Центрально-Азиатской экспедиции, так и после нее, не были прямой иллюстрацией пройденного маршрута, какими обычно бывают экспедиционные зарисовки или фотографии. Рериховские полотна не только дополняли собранный экспедицией материал, но и являлись самостоятельной частью этого материала, без которой он оказался бы неполным и незавершенным. Кистью написавшего эти полотна водила рука не только художника, поддающе-

гося свободному полету фантазии и прихотям вдохновения, но и точная рука ученого. И тот и другой словно слились в одном человеке. Художник давал в картинах научную информацию, а ученый обладал художественным прозрением и интуицией.

Об одной из таких картин А.П.Окладников писал: «Археологически точная зарисовка на картине («Меч Гесэра». — *Л.Ш.*) позволяет определенно датировать наскальный рисунок, послуживший прототипом для нее. Это характерный меч или кинжал эпохи плиточных могил, такие нередко встречаются у нас за Байкалом и в Монголии на оленных камнях как важнейшее оружие древнего воина конца второго — первой половины первого тысячелетия до нашей эры»[1].

На картинах Рериха мы не найдем подробного и систематического отображения всех деталей пройденного пути. Скорее, мы видим на них какие-то культурно-исторические моменты или своеобразные вехи, которые Рерих считал важными для себя и привлекал к ним внимание других. Эти вехи шагали из картины в картину, образуя стройную, но загадочную цепочку событий, мест, людей, памятников, сюжетов малоизвестных легенд и сказаний. Горы, выписанные кистью великого мастера, составляли неотъемлемую часть многих полотен и как бы сами по себе тоже являлись вехой.

Этот странный и необычный «метод вех», которыми Рерих так неожиданно метил Время и Пространство, явно присутствовал и в его экспедиционных дневниках. Именно по этой причине и «Алтай — Гималаи», и «Сердце Азии» не были похожи на путевые заметки и записи других путешественников. При первом взгляде они производили впечатление какой-то отрывочности и даже разбросанности. Воедино этот материал связывала авторская концепция, которая присутствовала где-то в глубине его композиционной постройки. Для анализа исторической концепции Рериха важное значение имеет ряд его высказываний, определяющих подход художника к исследованию самого культурно-исторического материала. «Никакой музей, — записал Рерих в одном из

---

[1] *Окладников А.П.* Н.К.Рерих и его экспедиция // *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 283.

своих экспедиционных дневников, — никакая книга не дадут права изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать»[1].

«Истинные впечатления действительности» лежали в основе всего творчества Рериха. Они уводили его от традиционных исторических схем, от устоявшихся в науке многолетних предрассудков. «Главная наша задача, — писал он, — изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством»[2]. Путь отрицания существующих фактов и явлений Рерих справедливо считал самым неплодотворным в науке и видел в этом признак невежества. Такое научное невежество нередко преграждало путь открытию, а иногда и становлению целой области науки. «...Все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания»[3].

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции пролегал по землям древнейших культур Азии. Каждая из этих культур уже представляла огромное поле для исследования. Рерих не углублялся в исследование конкретных особенностей какой-либо отдельной культуры, а искал то, что связывало многие культуры во Времени и Пространстве. Он искал общее, а не частное, сходство, а не различие. Его интересовали широкие проблемы путей культурного взаимодействия различных народов, механизм преемственности в формировании многослойных традиционных культур и, наконец, поиск древнейших источников, создававших целые культурные общности. Иными словами, Рерих вел свои исследования в широких границах длительных и сложных процессов,

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 21.

[2] Там же.

[3] Там же.

созидавших культурно-историческую общность человечества в целом. Вехи, которые он расставил в своих картинах и экспедиционных дневниках, были вехами этих процессов.

Рерих пометил своими вехами непреходящие элементы в культурной традиции тех народов, с которыми он имел дело на экспедиционном маршруте. Эти вехи не утратили своего значения и сейчас. Как не исчезли и не утратили своего значения старинные крепости и монастыри, древние святилища и легенды, изначальные земледельческие праздники и культ солнца.

В исторической концепции Рериха, где метод вех играл основную роль, важнейшее значение имело также соотношение временных категорий прошлого, настоящего и будущего. Эти категории, действуя в рамках непреходящего и преходящего в культурно-историческом процессе человечества, служили Рериху как бы путеводной звездой в его длительном плавании по бурному океану человеческой истории. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего»[1], — писал он в одной из своих работ. И еще: «Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина»[2]. В своем экспедиционном дневнике он отметил: «...вчерашнее “случайное” становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее “важное” оказывается часто просто случайным пережитком»[3].

Все эти высказывания подтверждают особое значение для Рериха непреходящего или, точнее, долгодействующего в развитии человеческой культуры, а также свидетельствуют и об уровне исторического обзора самого ученого. Среди прочих уровней, с которых можно рассматривать и исследовать историю человечества, Рерих выбрал уровень культурно-исторической эволюции. Каждый уровень обзора имеет свое преимущество. Снижение уровня сужает обзор, но позволяет видеть конкретные детали и ограниченные во

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 24.

[2] Там же.

[3] Там же.

времени процессы. С борта космического корабля космонавт не замечает отдельных домов и деревьев на земной поверхности, но может наблюдать зарождение разрушительного тайфуна, невидимого с земли. Такой космический обзор доступен не каждому. Нужна особая одаренность самого ученого. У Рериха она была. Высокий уровень обзора Николаю Константиновичу удавалось сохранять даже тогда, когда он спускался в область конкретной истории сегодняшнего дня. Он остро ощущал историческое время, видел закономерности, связывающие воедино прошлое, настоящее и будущее, и умел найти в этом потоке времени то, что было способно к дальнейшему развитию, то, что составляло «чудесные камни» человеческой культуры. Устремленный в будущее, стараясь представить себе основные направления восхождения человечества в процессе эволюции, Рерих закономерно измерял прошлое и настоящее будущим. Эта мера, носящая для Рериха концептуальный характер, присутствовала и в его вехах. «Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее»[1], — писал он. И еще: «...когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего»[2]. Именно на этом будущем сверкал тот «вдохновенный иероглиф», которым он метил камни древних культур и культурных достижений, расставляя свои вехи.

«Вдохновенный иероглиф» будущего определил и маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. Индия, Китай, советская Сибирь, Монголия, Тибет... Страны, которые находились на разных ступенях развития, существовали в разных социально-экономических условиях, имели разные культурно-исторические комплексы. Но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции как бы объединил их в одно целое. «Вдохновенный иероглиф» пометил своеобразным знаком качества камни их древних культур и подтвердил их пригодность для «ступеней грядущего». Материал, собранный экспедицией на территории этих стран, был осмыслен Рерихом-ученым с широкой историко-философской точки зрения. Это обстоятельство определило научную уникальность Центрально-Азиатской экспедиции.

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 24.

[2] Там же.

Как ученого и как художника Рериха волновал вопрос об общем источнике древних культур Индии и России. Он искал этот источник и обнаружил немало его следов. Это обстоятельство, в свою очередь, дало ему возможность шире посмотреть на проблемы культурной общности ряда народов. «Гигантские ступы буддизма — погребальные памятники, обнесенные оградой, — те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан»[1]. В развалинах древних индуистских храмов Кашмира Рерих увидел отчетливые следы романского стиля, связанного с поздними кочевниками-аланами. В красочных женских костюмах Ладака он обнаружил, что расшитая шелковая накидка напоминает византийскую, а высокие шапки похожи на шапки русских бояр. Ладакские металлические пряжки, укрепленные на правом плече, повторяли скандинавские фибулы. На базарах Кашгара Рерих увидел сундуки раннего Ренессанса, а в степях Джунгарии вновь вспомнил русскую старину. Его поразил костюм киргизских всадников. «Киргизы скачут на белых лошадках. На головах — стеганые цветные шишаки, точь-в-точь как древние куаки русских воинов. На макушке пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, подходящая и в XII, и в XV века»[2]. Русское средневековье смешивалось в степях Джунгарии со скифской древностью. И Рерих пришел к выводу, что сходства в культурах разных народов больше, чем различий. «И наш оптимизм, — отмечал он в связи с этим, — не является результатом далеких мечтаний, но результатом изучения дюжины стран и широких подходов к различным народам с совершенно разной психологией. И, в конце концов, несмотря на все различия, они едины»[3].

Это единство объединяло не только страны Азии, но и различные континенты: Азию и Европу, Азию и Америку. В рериховской интерпретации путей развития непреходящих

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 25.

[2] Там же.

[3] Там же.

элементов культуры не оставалось места ни для европоцентризма, ни для извечного противопоставления Запада Востоку. Он поставил свою веху на динамичном мире ранних кочевников, которые переплели судьбы Востока и Запада и содействовали их усиленному культурному взаимодействию. Этот мир начал оформляться где-то на рубеже первого и второго тысячелетий до нашей эры. Рерих нашел следы ранних кочевников в Гималаях, в пустыне Гоби, в Джунгарских степях, на Алтае. Ему были известны результаты раскопок в южнорусских степях, в Сибири и Монголии. В отличие от многих ученых того времени, считавших кочевников косными и отрицательно влиявшими на ход мировой истории, он отметил их важнейшую роль в этой истории. Культурное взаимодействие ранних кочевников с оседлыми народами, происходившее в противоречивых формах, тем не менее оказалось мощным творческим импульсом, создавшим новые качества культур, новые необычные формы в искусстве, такие как известный всему миру скифский «звериный стиль».

Выделяя исторический динамизм как один из непреходящих, долгодействующих факторов в истории планеты, Николай Константинович искал подтверждения этому в самых ранних периодах ее истории. Поэтому его всегда влекли древние миграции народов как фактор широкого культурного взаимодействия. На этих миграциях он поставил свою очередную веху. Следы этих миграций в древности отмечали петроглифы, загадочные мегалиты, древние погребения. На скалах Алтая, Монголии, Ладака, китайского Туркестана были высечены круторогие горные козлы, лучники, пляшущие фигурки. Рерих протянул нить этих петроглифов до Скандинавии, Венгрии и даже Америки. Некоторые из этих петроглифов он датировал периодом неолита. Время показало, что он был прав.

Экспедиция открыла в Тибете неизвестные до этого мегалитические памятники. Они повторяли конструкцию и облик мегалитов Франции и Англии. Древние пути народов связывали Восток с Западом, Азию с Европой и Америкой.

«Вдохновенный иероглиф» рериховских вех был поставлен не только на памятниках материальной культуры. Фольклор, духовное наследие народов, был тоже отмечен ими.

В богатейшем фольклорном наследии Азии Рерих обратил наше внимание на те легенды и сказания, где нашли отражение нравственные устремления народов к справедливости, к лучшему будущему, к торжеству добра над злом. Это были непреходящие темы фольклора. Николай Константинович обогатил наши знания азиатского фольклора народными сказаниями о Майтрейе, будущем Будде — освободителе угнетенных и униженных, новыми версиями легенд о подвигах героя Гесэр-хана и, наконец, целым циклом малоизвестных сказаний о заповедной стране Шамбале, или Беловодье, где существует мудрое и справедливое устройство жизни и обитают учители добра, носители знания, необходимого для лучшего будущего народов.

Коллективный опыт народа, нравственный и эстетический, заключенный в его фольклоре, в его культурных традициях, являлся, с точки зрения Рериха, одной из важных движущих сил на пути культурно-исторической эволюции человечества. Поэтому этот опыт нуждался в научном осмысливании, в строгом выявлении реальности, стоящей за красочными, а иногда и просто фантастическими образами мифов, сказаний и легенд. «Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности»[1], — писал он в одном из своих очерков. Проникая в культурную традицию различных народов, осмысливая ее с точки зрения будущего, Рерих отметил ее взаимодействие с социальными и политическими моментами современной ему Азии. Он был одним из первых, кто выявил влияние этой культурной традиции на освободительное движение таких стран, как Монголия, Китай, Индия. Николай Константинович обратил внимание на традиционные формы этого движения, на переплетение в нем культурных традиций прошлого и текущих социальных и политических целей. Такую веху, связанную с традиционной культурой, трудно переоценить.

На своих полотнах, в очерках и дневниках он представил плеяду блестящих мыслителей, великих духовных руководителей, деятельность которых оказала большое влияние на продвижение человечества по пути культурно-исторической эволюции.

---

[1] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 26.

Многие культурно-исторические вехи, поставленные Рерихом во время Центрально-Азиатской экспедиции и после, являлись сами по себе открытиями. Каждая из них несла и несет в себе большие возможности глубинных научных исследований, связанных с изучением Времени, Пространства и Человека. Диалектический метод, которым пользовался Рерих, как историк, прогрессивные устремления позволяют нам считать его одним из крупнейших мыслителей и ученых XX века. Он указал на ряд важных направлений в исторической науке, которые потом получили дальнейшее развитие. В определении этих направлений сыграли свою роль и рериховский дар научного предвидения, и его точная интуиция, и выношенная в течение всей жизни концепция, в основе которой лежала глубоко осознаваемая им будущая солнечная действительность планеты.

Описание Центрально-Азиатской экспедиции было бы неполным без упоминания еще одной из вех, не менее важной, чем предыдущие. С этой особенностью сталкиваешься буквально в первые же часы пребывания на маршруте рериховской экспедиции. Сталкиваешься с Красотой. Весь путь экспедиции был красив. Красота жила в скалах и сверкании горных снегов, в узорных листьях деревьев и голубизне горных рек, в прозрачности горного воздуха и в зыбучих песках, в жемчужных туманах и в разноцветье альпийских лугов. Она жила в людях, в их внешности, в их поступках.

Это сочетание Красоты с большой буквы с исторической значимостью мест, по которым проходила экспедиция, поражало, заставляло задумываться и размышлять над ролью тех связей, которые существуют между природой планеты и историей обитающего на этой планете человечества. Мы еще не до конца осмыслили эти связи. Но то, что они существуют, взаимодействуют и взаимовлияют, нет никакого сомнения.

Экспедиционные дневники Рериха не просто своеобразная научная литература, но и важный исторический источник. Он не только наблюдал и изучал материал на маршруте, но, не ошибусь, — участвовал непосредственно в историческом процессе и его формировании на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Историческая наука знает о субъектах истории и ее объектах. Субъекты творят историю. Таким творцом, будучи сам историком, являлся и Рерих. Эта мало-

известная и еще не осмысленная научно сторона его деятельности была связана не только с его историческими взглядами или философией истории, которую он выработал в течение своей жизни, но с упомянутыми выше Учителями высоких знаний и расширенного сознания. Учитель вел Рерихов во время Центрально-Азиатской экспедиции, ибо кроме научных целей перед экспедицией стояла важнейшая эволюционная задача, которую они и должны были реализовать. До сих пор эта сторона деятельности Николая Константиновича и Елены Ивановны замалчивалась по известным причинам. «Встречаясь со скучною рутиною ежедневности, — писал Рерих в одном из своих экспедиционных дневников, — встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда»[1]. Этот «зов великой правды» Николай Константинович определил еще и так: «...помимо историков пишется другая история мира»[2]. Иными словами, он считал, и наверное не без основания, что на нашей планете есть история внешняя, хорошо видимая обычным глазом и доступная осмыслению свидетелей, а есть «помимо историков» история *внутренняя*, незаметная для глаза обычного человека и не поддающаяся его осмыслению.

Если говорить об истинном историческом исследовании, то оно должно было включать в себя и внутреннюю и внешнюю историю, и проблему их тесного взаимодействия. История же как традиционная наука занималась лишь ее внешними проявлениями. Рерих был первым, кто выработал новые подходы к истории. Значительная часть его творчества незадолго до Центрально-Азиатской экспедиции, во время нее и после была посвящена этой истории «помимо историков».

Основой этой внутренней истории, проявления которой оставались вне науки, являлась эволюционная деятельность

---

[1] *Рерих Н.К.* Сердце Азии. Sousbhury, 1929. С. 118.

[2] *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 244.

Учителей, подтвержденная целым циклом легенд, сказаний и мифов, которые Рерих собрал на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Это были предания о мудрецах, волшебном камне и стране Шамбале, или Беловодье, в которой обитали эти мудрецы, постигшие тайны природы и владеющие законами Космоса. Особенно эта тенденция проявилась в его художественном творчестве в Индии и во время экспедиции. Мы находим в нем новую духовную основу иной исторической реальности. Проводя исследования богатейшего центральноазиатского фольклора, Николай Константинович стремился вскрыть ту реальность, которая стояла за преданиями и мифами. Изображая все это на полотне, он творил новую «Державу Рериха», таинственную и загадочную, прикрытую иногда цветным занавесом мифов и преданий, но вместе с тем вполне реальную и вполне постижимую. Он начал писать эти полотна в Дарджилинге в 1924 году и продолжал делать это всю жизнь. Это был мир Тайны и Красоты, мир гор, поднимавшихся над землей снежными гигантами. Облака и жемчужные туманы плыли по разломам и монолитам скал, меняли их очертания и придавали им странную, непостижимую хрупкость. Солнце клало на них закатные краски, и они зажигались то пурпуром, то золотом, сигналили кому-то неведомому зелеными призрачными лучами, вспыхивали гаммой нездешних оттенков, блистали холодным огнем сказочных северных сияний. Ночами над ними вспыхивали яркие, колкие звезды, и звездный свет сверкающими пылинками оседал на припушенных ночной темнотой снегах. Созвездия меняли свои очертания, и на небе возникали странные загадочные узоры. Мир гор был величествен и космичен. Его вершины, устремленные в небо, казалось, выходили за границы планеты и становились частью того еще неведомого, что определялось словом «космос». И где-то там, скрытая этими снежными вершинами, лежала таинственная заповедная страна, которую называли Шамбалой. Оттуда спешили всадники в старинных одеждах. Ламы передавали друг другу вести. Лучники посылали стрелы с указами, написанными на желтоватых свитках пергамента. «Весть Шамбалы», «Послание Шамбалы», «Письмо Шамбалы». Длинноволосые, напоминающие амазонок девы охраняли заповедные границы. У тайного входа в красном холодном

пламени стоял страж с обоюдоострым мечом. «Хранитель входа». Женщина в длинных белых одеждах выходила «Оттуда» и осторожно, боясь оступиться, шла по узкому мостку через поток, отделяющий заповедную границу от мира людей. В глубине пещеры находились фигуры, освещенные таинственным светом огромных сверкающих кристаллов. Пылала золотым огнем чаша в руках одного из изображенных. «Сокровище гор». Фигура человека, как будто возникшая из скал, окруженная лилово-синим искрящимся сиянием высокой ауры. Картина называлась «Fiat Rex!» («Да здравствует Король!»). Из какого королевства появился этот Король? Наверное, все из того же Заповедного.

«Держательница Мира» стоит у снежных гор, и золотой ободок ее короны сверкает на солнце. В руках у нее ларец, нам уже знакомый. Его нес на спине белый сказочный конь в сиккимской серии «Его страна» — «Чинтамани». Его держал в руках идущий впереди группы таинственных фигур, появляющихся в ночной мгле из скалистого склона Эвереста. «Сожжение тьмы». Одно цеплялось за другое, все было связано в единое целое. В этих загадочных художественных произведениях смешивались предания и Высокая Реальность, границы же между ними были неразличимы.

«С тех пор, — писал Рерих, — мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много видавший путник. С караваном он когда-то пересекал Гоби и Цайдам и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: “Дальше не ходи!” Разве не о тридесятом, заповедном царстве они предупреждали?»[1] И далее: «Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем»[2]. Вот эти удивительно точные слова «и цветом и звуком» свидетельствуют о том, сколь многосторонне и глубоко исследовал Николай Константинович уникальное пространство «помимо историков».

---

[1] *Рерих Н.К.* Зажигайте сердца. С. 191.

[2] Там же. С. 192.

Сведенные воедино, эти исследования давали необычную картину чьих-то действий, от которых зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и совершались эти действия. На ней возникали странные, неизвестные люди, включая и того в золотошитом кафтане, предупредившего Рерихов о готовящемся нападении на экспедицию. Они сообщали загадочные вести, совершали неожиданные поступки. Среди них были ламы, сказители и просто встречные путники. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что потом требовало и расшифровки и осмысления. Записи в дневниках содержат немало подобных фактов, и если их свести воедино, то получается уникальная картина внутренней истории самой Центрально-Азиатской экспедиции, так непохожей на историю внешнюю. Вот несколько примеров, которые можно почерпнуть из экспедиционных дневников Рериха.

Из письма секретарю Рериха В.А.Шибаеву (Кашмир): «Забота совершенно необыкновенная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее, Лэ)»[1]. «Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний созвано одною звездою. Небесные вехи настораживают и соединяют сердца. Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и времен»[2]. Кашгар-Куча: «Сегодня приняты важные решения, есть сообщение»[3]. Монголия, Урга: «Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притолоки и говорит: “Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает”. А тут и телеграмма!»[4] Монголия: «Среди дождей и грозы долетают

---

[1] Письмо Н.К.Рериха В.А.Шибаеву от 27.07.25 / ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 1. (Вр.) № 2531. Л. 10об.

[2] *Рерих Николай.* Листы дневника. Т. 1. С. 204.

[3] *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 169.

[4] Там же. С. 249.

самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя сорок лет тому назад <...> Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающиеся следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе. На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями <...> Конец июля. "Иду радостно в бой". Lapis Exillis — блуждающий камень. Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: "Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел". Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважимся пересечь Цайдам по новому пути. К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (В.Кардашевский. — *Л.Ш.*) с мечом и кольцом»[1]. И уже в Тибете: «...экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»[2].

Процитированные записи относятся к очень важному моменту в истории Центрально-Азиатской экспедиции. Они напоминают о тех, с кем произошла памятная встреча около Дарджилинга в 1923 году. «Вы, может быть, спросите меня, — отмечал Рерих, — почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия за недостатком осведомления оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопоучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности»[3]. Связь подлинных Великих Душ с Заповедной страной не оставляла у Рериха никаких сомнений. И опять запись в экспедиционном дневнике: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Саг-дзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брамапутры. Здесь останавливался Махатма, спеша

---

[1] *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 254.

[2] *Рерих Николай.* Листы дневника. В 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 92.

[3] *Рерих Николай.* Сердце Азии. С. 90.

по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, нежданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они проявлялись. Если нужно, Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве — не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном наговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вышло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению. Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется незнающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверий и предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и

лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»[1]. И запись из другого экспедиционного дневника: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, — вы знаете о Махатмах»[2].

Заповедная страна, по утверждению Николая Константиновича, имела точное географическое положение. «Некоторые указания, — отмечал он, — затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памире, в Туркестане и Гоби». Все эти места назывались потому, что около Шамбалы люди живут в юртах и занимаются скотоводством. «...Но не забудем, — продолжал Рерих, — что горные киргизы в местностях Куньлуня также живут в юртах и занимаются скотоводством»[3].

Куньлунь упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказах алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья. Этот путь, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

«...Географические указания места, — читаем мы в дневнике Николая Константиновича «Сердце Азии», — умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»[4]. Но Гималаи огромный горный район, похожий на лабиринт. И Николай Константинович расставлял по нему свои особые ориентиры, которые также совпадали с маршрутом экспедиции.

На этом маршруте Рерих должен был вместе с Еленой Ивановной провести одно важное историческое действие. Случай редчайший, проявляющий себя один раз в несколько веков. Речь идет о закладке магнитов. Любой процесс, со-

---

[1] *Рерих Н.К.* Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 317–318.

[2] *Рерих Николай.* Сердце Азии. С. 122.

[3] Там же. С. 129.

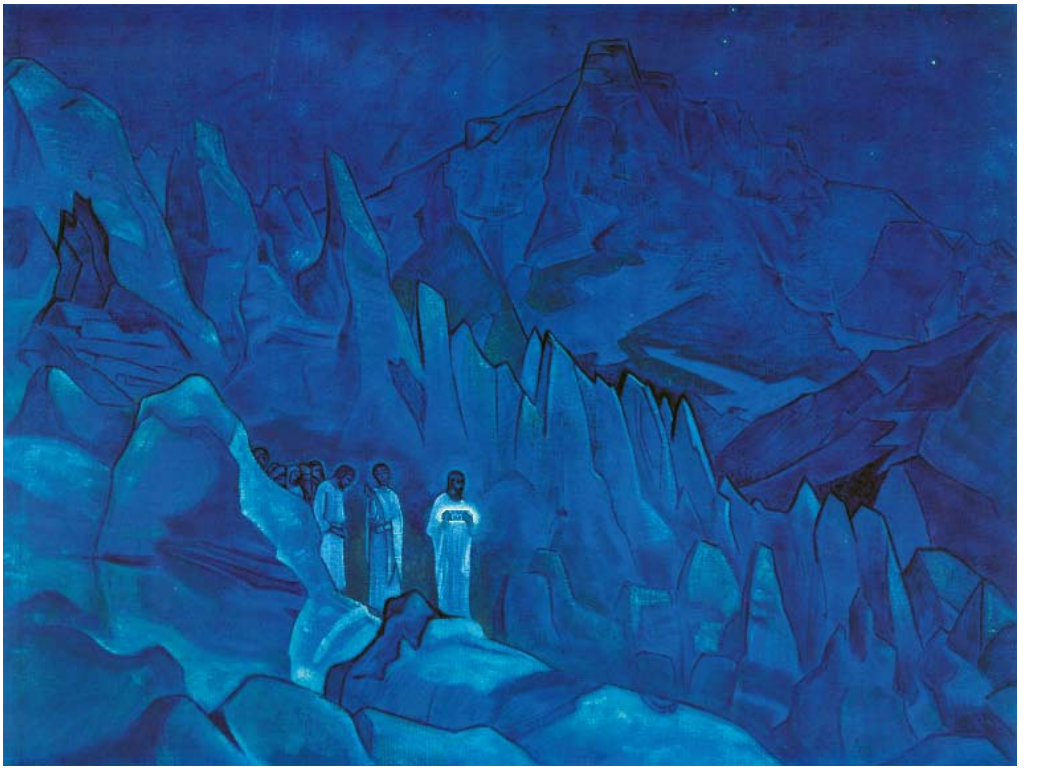
[4] Там же. С. 110.

гласно исторической концепции Живой Этики, начинается не с действия низшего, а с творчества Высшего и в силу этого носит космический характер. В данном случае магниты должны были быть заложены в местах формирования и расцвета новых культур. Рерихи исходили из того, что культура сама по себе не развивается, а имеет толчок, инициированный высшей энергетикой, высшим разумом. Высшая космическая энергетика имеет свой ритм, который должен существовать в магните или в определенном пространственном теле, соприкосновение с которым вносит в пространство такой ритм, который обусловливает формирование нового вида культуры. Они несли с собой магнит, или «Сокровище Ангелов», в реальности — уже упомянутый осколок метеорита с высокой космической энергетикой. Данное историческое, или, точнее, эволюционное, действие было самым важным на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Если внимательно проследить этот маршрут, можно предположить места закладки магнита. Вне всякого сомнения, эта закладка магнитов имела отношение к внутренней истории планеты, или к истории «помимо историков». Основываясь на энергетическом мировоззрении и новой системе познания космического мышления, создатели Живой Этики выступили как историки самого высшего уровня. Рерих был их учеником и сотрудником, и поэтому все его творчество, в том числе и научное, пронизано идеями реального Космоса, или Живой Этики. Замалчивание этого момента, что, к сожалению, происходит и до сих пор, не только искажает взгляды Рериха, как одного из выдающихся историков нашей планеты, но и крайне замедляет дальнейшее развитие истории как науки, где внешний и внутренний потоки должны слиться в синтезе, который и сформирует новые, еще неизвестные подходы к осмыслению исторического процесса. Заслугу Николая Константиновича в связи с этим трудно переоценить.

Н.К.Рерих
Жемчуг исканий. 1924

Н.К.Рерих
Ведущая. 1924

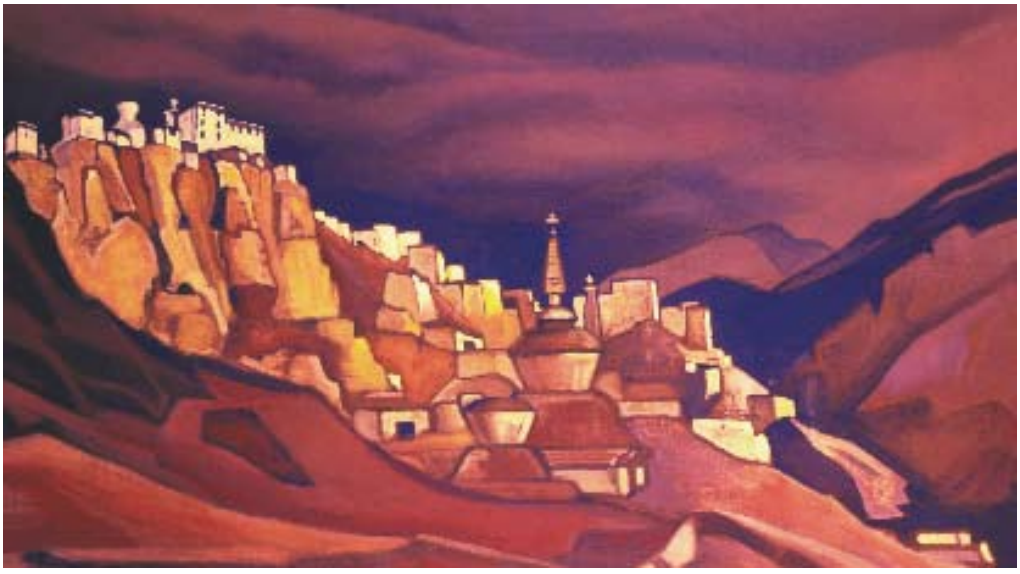
Н.К.Рерих
Дозор Гималаев. 1925



Н.К.Рерих
Сожжение тьмы. 1924

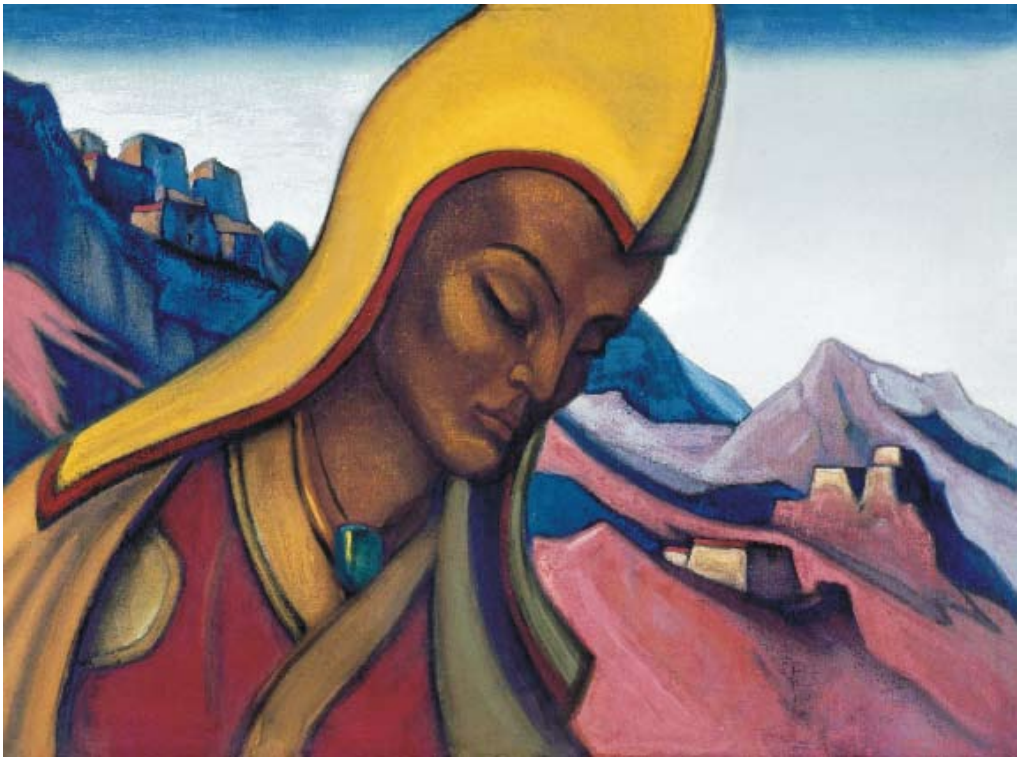
Н.К.Рерих
Сокровище гор. [1933]

Н.К.Рерих
Ступы в Ташидинге. [1924]



Н.К.Рерих
Ладак (Монастырь Ламаюру)

Н.К.Рерих
Замок Ладака. 1933



Н.К.Рерих
Молодой лама. 1945

Н.К.Рерих
Конь счастья. 1925–1926

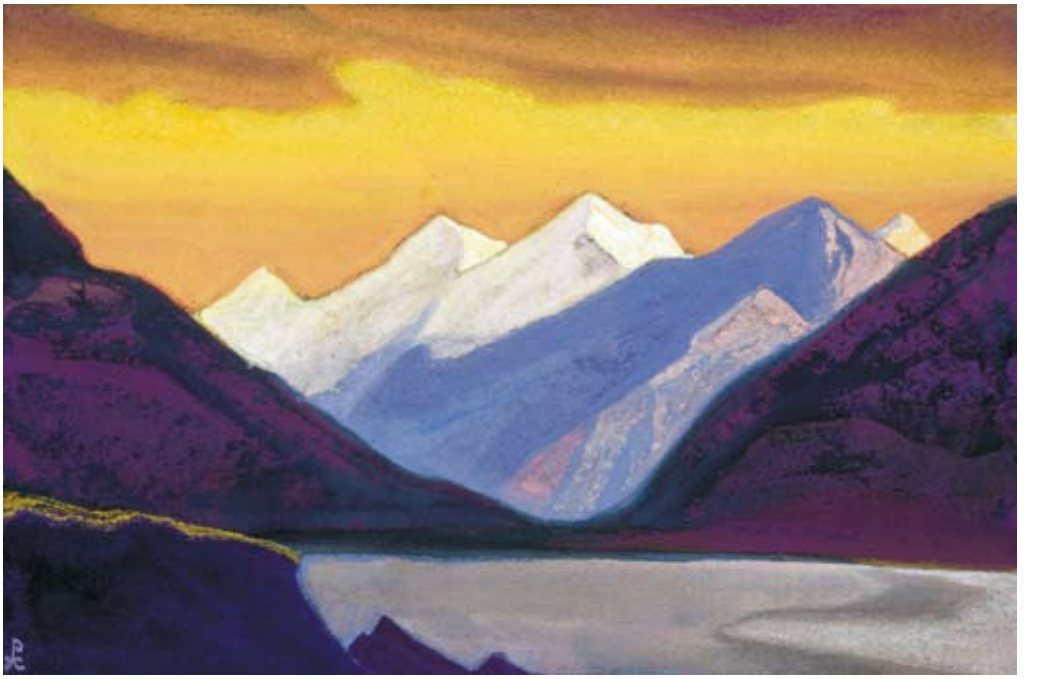
Н.К.Рерих
Великий Всадник (Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы). 1927

Н.К.Рерих
Путь на Тибет. [1927]

Н.К.Рерих
Путь на Кайлас. 1932

Н.К.Рерих
Майтрейя. 1932

Н.К.Рерих
Монастырь. Из серии «Гималаи». 1940



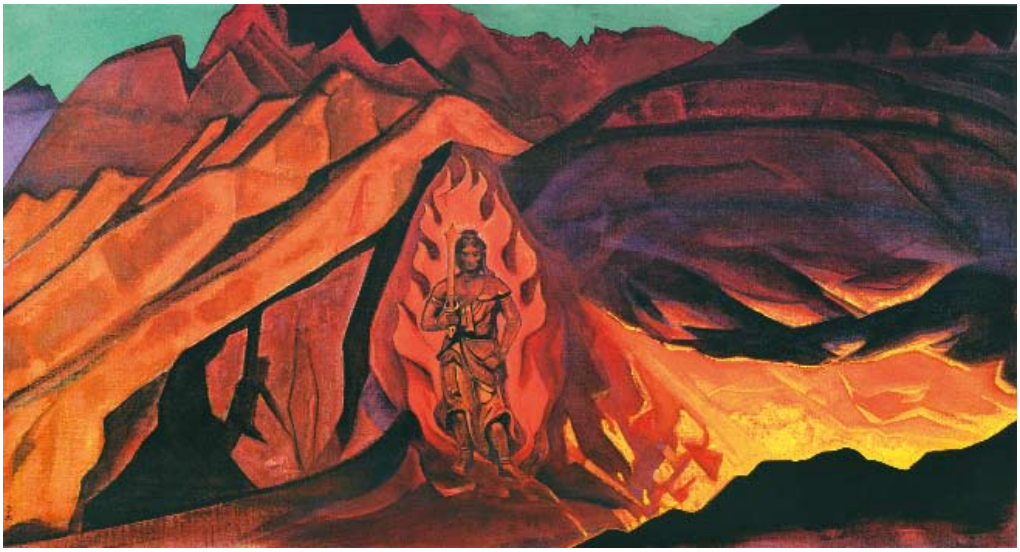
Н.К.Рерих
Гималаи. 1942

Н.К.Рерих
Гималаи. 1937

Н.К.Рерих
Приказ Ригден-Джапо. 1927

Н.К.Рерих
Песнь о Шамбале. Танг-ла. 1943

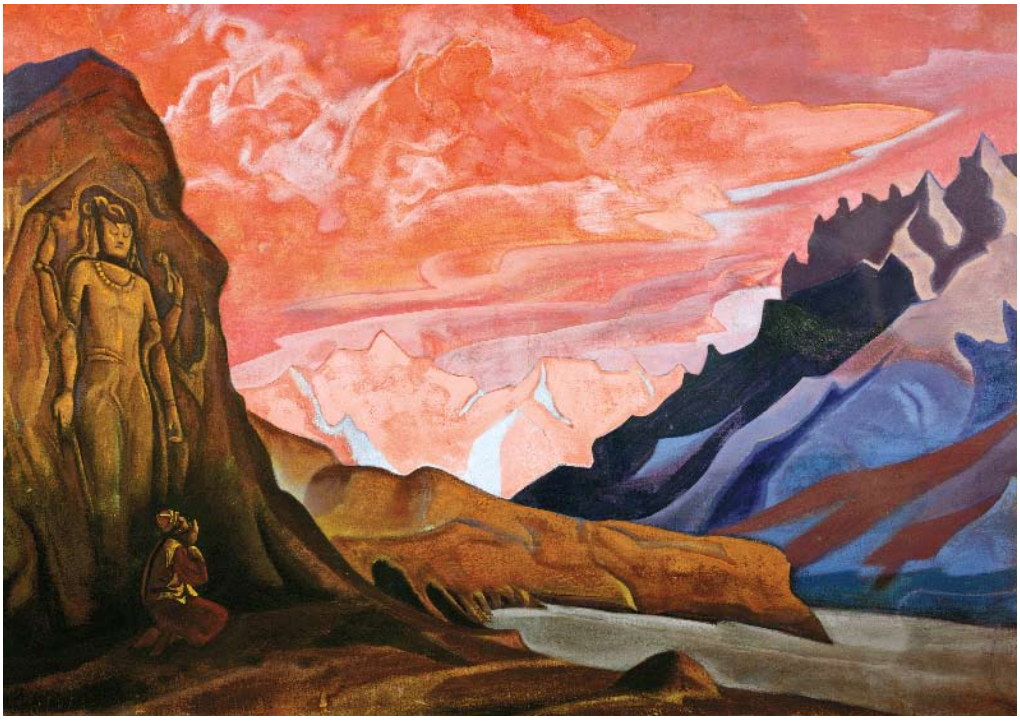
Н.К.Рерих
Легенда о Шамбале. 1925–1926



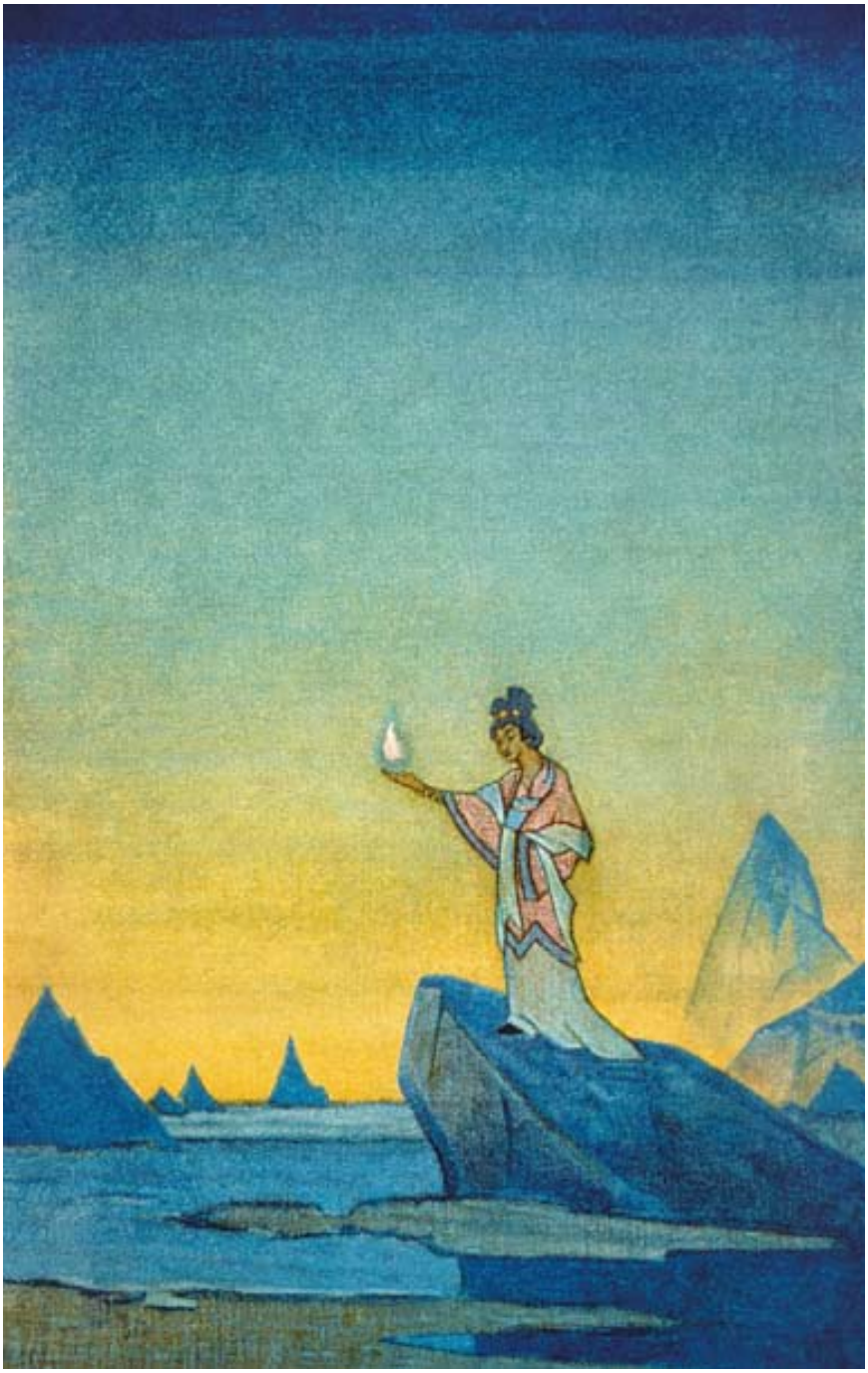
Н.К.Рерих
Хранитель входа. 1927

Н.К.Рерих
Держательница Мира. 1933

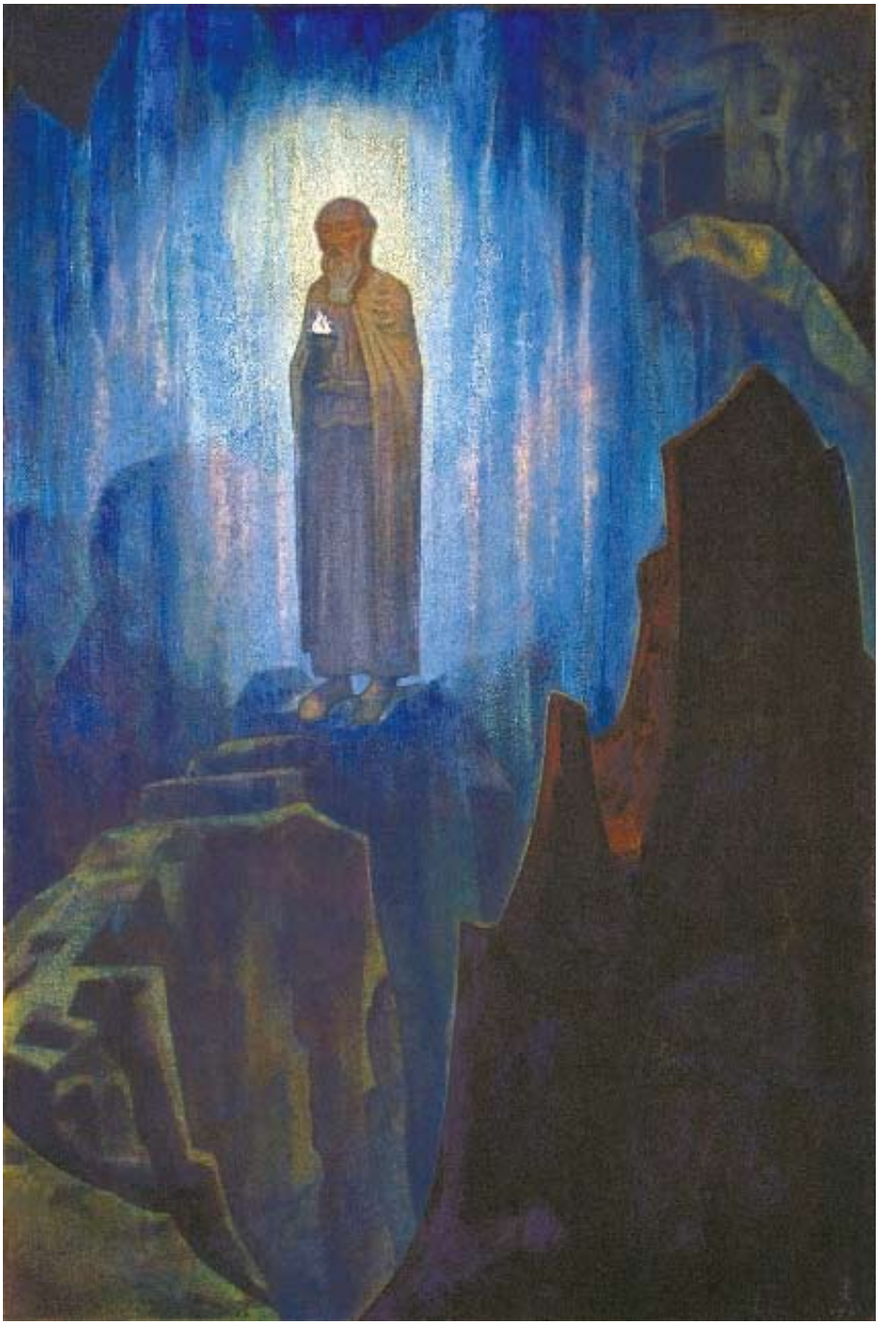
Н.К.Рерих
Сосуд нерасплесканный. 1927



Н.К.Рерих
Майтрейя Победитель. 1925–1926



Н.К.Рерих
Агни Йога. 1928–1930



Н.К.Рерих
Гуру-Гури Дхар. 1931

5. Новая философия истории

Н.К.Рерих первый сформировал реальную философию истории. Сколько времени потребуется, чтобы эта философия вошла в научный оборот и стала основой исторической новой науки, сказать трудно. «И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, — писал Рерих, — мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной»[1].

Создатели Живой Этики являются истинными материалистами, но их осмысление этого понятия гораздо шире традиционного восприятия, которое мы видим в современной эмпирической науке. «Нужно до такой степени обосновать материализм, — пишет один из Учителей, — чтоб все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма. Мы говорили об астральных телах, о магнитах, о свечении ауры, об излучении каждого предмета <...> о проникновении одного слоя материи через другой, о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова “материя”. Много невидимого, но ощутимого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет приложить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом. Мы, материалисты, имеем право требовать уважения и познавания материи»[2].

Эти слова являются не только ключом к пониманию сути самих Великих Душ, но и помогают осмыслить тот комплекс знаний и информации, которые содержатся в книгах Живой Этики. «Человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил»[3], — утверждает Живая Этика. Человек — часть космической энергии, часть стихий, часть разума, часть высшей материи.

Основу исторических взглядов Рериха, выработанных с помощью концепции Живой Этики, составляло методологическое положение об историческом процессе как космиче-

---

[1] Наука в СССР. 1986. № 2. С. 101.

[2] Община (Урга). Ч. II, X, 9.

[3] Мир Огненный. Ч. III, 306.

ском явлении. На последнем базировалась и новая философия истории. И эта философия была запечатлена не только словесно или в каких-то исторических действиях, но и в художественных образах на полотнах великого художника и выдающегося историка. Космическую философию истории Рерих сформулировал кратко: «...лучшие умы, — писал он, — обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов»[1].

Осмыслить, что есть исторический процесс во всем его богатстве, значит понять и правильно оценить закономерности и особенности развития человечества в прошлом, осознать цели этого развития в настоящем и познать основные направления нашего будущего.

Николай Константинович сумел выделить основные моменты истории человечества, такие как переселения народов, в которых он уловил ритм космической эволюции и увидел в этих передвижениях бурный энергетический обмен, созидание новой энергии, необходимой для дальнейшего восхождения. Древние земледельческие цивилизации умирали, израсходовав свою энергию. Динамичные кочевые народы принесли в мир новую свежую кровь, вдохнули в него необходимые ему силы. Нечто подобное происходило и в XX веке, когда сдвинулись со своих насиженных мест, используя современные средства коммуникаций, массы народа в бессознательной жажде усиленного энергообмена, необходимого для дальнейшего эволюционного развития.

Если космическая эволюция, бесконечная в пространстве Беспредельности, представляет собой бушующий, меняющийся океан энергий, то исторический процесс имеет свое начало и свой исчерпывающий себя конец, ограниченный видом и состоянием материи, в рамках которой он происходит. Концепция исторического процесса как космического явления дает нам возможность объяснить «закладывание магнитов», в котором участвовали Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи.

Закладывание магнитов не есть особенность только XX века. На нашей планете такие действия производились регулярно и определяли формирование земного исторического

---

[1] *Рерих Николай.* Держава Света. Нью-Йорк, 1931. С. 80.

процесса. Магниты закладывались в преддверии переломных моментов эволюции и истории человечества. «Магнит или остается невидимым, притягивая течение событий; или служит центром сознательного действия; или озаряет нашедшего его человека. Можно видеть в истории человечества, как сеть магнитов подобно путеводным огням вспыхивала. Как же работает магнит? Он претворяет идеи пространства в действие»[1]. Вот это претворение «идей пространства в действие» и наполняет сам исторический процесс космическим содержанием.

Пользуясь новой методологией исторического процесса, Рерих осуществил немало художественных и научных сюжетов, которые прояснили сложные исторические проблемы и сделали эти проблемы не только теоретическими, но и практическими. Последнее несло в себе историческую действенность, которую требовали от истинного историка Учителя. Понимая, какие космо-энергетические явления лежат в основе исторического процесса, Рерих находил правильные пути решения практических проблем, многие из которых были нацелены в будущее. Его увлекал в значительной мере именно внутренний исторический процесс, его духовная наполненность, его причинная суть. Будущее было критерием исторических действий. «Практичнее мыслить о будущем — эти мысли обращаются к солнечной пране. Магнит таких мыслей может притянуть часть космической пыли. Эта пыль дальних миров благодетельна для новообразований. Если астрономия — география, то космическая пыль — история и каждый аэролит — археологический предмет <...> Надо приучиться мыслить о будущем»[2], — отмечали авторы Живой Этики. Рерих умел мыслить о будущем. И не только просто мыслил, но и ощущал и предвидел в самом историческом процессе те моменты, которые укрепляли это будущее. Эти моменты он видел и в прошлом и обращал на них главное внимание. Он как бы из этого прошлого выбирал те «кирпичики», которые можно было заложить в будущее строение. Эта удивительная и необычная способность сделала из него выдающегося, уникального историка. Занимаясь проблемой

---

[1] Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. III, II, 7.

[2] Там же. VI, 7.

личности в истории, он подходил к ней совсем по-иному, нежели традиционные историки. Среди них он выбирал и отличал тех, чья деятельность и творчество опережали настоящее время и результаты которых продолжали действовать и в будущем. Эти личности не всегда принимали в расчет социально-экономическую обстановку. Они действовали как бы «поверх» этой обстановки, и их вели не земные обстоятельства, а нечто другое, связанное с тем, что не было ясно окружающим их людям. Среди этих личностей он отметил преподобного Сергия Радонежского, индийского императора Акбара, французскую героиню Жанну д'Арк, чьи исторические роли влияли не только на современность, но и продолжали действовать во времени, когда их уже не было. Рерих уделил значительное внимание роли сознания в историческом процессе, от уровня которого зависели многие события прошлого и настоящего. Опыт прошлого свидетельствовал, что многие исторические события могли бы развиваться по-иному и иметь другой результат, если бы сознание участников этих событий было готово к тем целям, которые стояли перед определенными движениями, революциями, социальными взрывами. «...Многое требует, — читаем мы в Живой Этике, — подготовки сознания, которое совершается длительно. Потому Мы так приучаем к терпению и бережности»[1].

Рерих немало сделал для того, чтобы подорвать позиции традиционного европоцентризма, который принижал значение истории и культуры Востока. В своих работах, и научных и художественных, он проводил мысль о том, что культура и история Востока оказывали огромное влияние на мировую культуру и что последняя была бы совершенно другой, обедненной, если бы не такое влияние. Николай Константинович не писал объемных монографий, связанных с его историческими исследованиями. Это были экспедиционные дневники, очерки и художественно оформленные размышления. Он писал точно и кратко, некоторые его высказывания стоят целых монографий, ибо они были подкреплены всегда убедительными научными аргументами. То, что он писал, было не только исторической литературой, но и историческим уникальным источником. Особо ценными работами являются те,

[1] Мир Огненный. Ч. II, 466.

где он анализирует проблемы космической энергетики и ее влияния на формирование земного исторического процесса. Можно сказать, что Рерих заложил основы новой методологии исторического процесса, который составил важнейшую веху нового космического мышления.

Внутриисторическое духовное пространство является источником прогнозов для будущего. Если мы внимательно просмотрим труды Рериха, то найдем немало пророчеств общего и частного характера. Ни Рерих, ни его Учителя не занимались разведывательной работой, вроде Рихарда Зорге, но за довольно долгое время они знали дату нападения Германии на Советский Союз, и в одном из очерков Рериха она присутствует. Целая серия пророческих картин была создана Рерихом незадолго до Второй мировой войны, значительная часть которых, несомненно, адресована России.

Прежде чем перейти к этим картинам, закономерно поставить вопрос — что же такое пророчество? Пророческая традиция идет с древнейших времен, и ее осмысление связано, в первую очередь, с духовным развитием и уровнем сознания тех, кто имел непосредственное к ней отношение. XX и XXI века ничего нового в эту традицию не добавили. Способность человека к пророчеству по-прежнему считается непостижимым чудом или шарлатанством, не достойным доверия. Живая Этика, в отличие от всех современных «мудрецов», считает это явление вполне объяснимым с научной точки зрения. «Что есть пророчество? — читаем мы на страницах Живой Этики. — Предуказание определенного сочетания частиц материи»[1]. И еще одно важное замечание оттуда же: «Пророк есть человек, обладающий духовной дальнозоркостью. Так же как на физическом плане есть близорукость и дальнозоркость, так же просто надо отнестись к качеству дальнозоркости духа.

Было бы совершенно невежественно отрицать пророчества.

Было бы совершенно глупо порицать пророков.

Если научно и беспристрастно исследуем случайно сохранившиеся пророчества, что же увидим? Найдем людей, вопреки личной выгоде заглянувших в следующую страницу

---

[1] Община (Рига), 24.

истории, ужаснувшихся и бесстрашно предупредивших народ. Среди так называемых пророчеств не найдете личных помыслов, не найдете преступного своекорыстия, не найдете клеветы. Символы изображений объясняются окраской далеких стекол.

Когда же ученые найдут время научно исследовать пророчества и сопоставить их исторически? Прекрасная книга для молодого ученого! Да, друзья, пора научиться культурно подходить к очевидным явлениям. Иначе будущие достижения окажутся электронами в люльке младенцев. Ваши мундиры и тоги не закрывают вашего боязливого младенчества <...> И сияние Нового Мира не проникает в нору вашу!»[1]

Оба этих уникальных фрагмента свидетельствуют о том, что знание пророчеств складывается в духовном пространстве метанауки. Новая философия истории, в которой синтезируются метанаучные и научные методы познания, без явления пророчества будет неполноценной. Важнейший момент этой философии, связанный с историческим прогнозированием, должен обрести качество истины, полученной в духовном пространстве внутреннего мира самого человека. Научно исследованные и научно объясненные пророчества несут, безусловно, эволюционную нагрузку в самом историческом процессе.

Пожалуй, Учителей, больше чем какая-либо другая проблема, волновала именно судьба пророчеств и отношение к ним человечества. «Сны будущего, — записано в Живой Этике, — рассеяны широко. Пророчества распространяются тысячами, и люди в разных странах привыкают к определенным срокам, — так утверждается течение эволюции. Также напоминаются и грозные сроки. Может быть, никогда человечество не вынимало свой жребий, как в эти годы. Невозможно насиловать свободу воли больше, нежели делается сейчас. Вы сами видите, как даже в самых странных формах напоминаются сроки, но слепы нежелающие видеть»[2].

Пророчества имеют еще одну уникальную особенность, которая важна для любого научного исследования. Оно формируется не в земном мире, а в более высоком состоянии

---

[1] Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. III, V, 3.

[2] Мир Огненный. Ч. I, 303.

материи и ином измерении. Именно пророчества есть своеобразная форма влияния иного, более высокого мира на человечество. И от самого человечества зависит, насколько результативно будет им подобный вестник Высшего принят. «Предвидение событий, — сказано в Живой Этике, — представляет очень значительную схему наших огненных познаваний. Иногда можно предвидеть самые ближайшие и даже обходные действия, но часто мы, как по дальнему проводу, познаем события очень отдаленные. Многие причины обусловливают такие неравномерности. Нет беды, если огненная прозорливость предупредит нас о завтрашнем дне, но не будет пролетом, если перед третьим глазом встанет далекое будущее. Сила огненная не знает расстояния; она, как наблюдатель на вершине, предвидит, где сходятся пути земные. Если Мировое Правительство предвидит на дальнее будущее, то наши слабые глаза могут видеть проблески этих огненных решений. Как торжественно и вдумчиво нужно принимать такие озарения. Нельзя немедленно по-земному обсудить их, но нужно сберечь как святыню доверенную!»[1] И еще: пророчества «от Мира Огненного»[2]. Пророчества, приходящие в наше время, часто связаны с другими временами. Нужно только уметь трактовать их правильно и понять, к какому времени они относятся. «...В пророчествах можно удивляться, — отмечают Учителя, — некоторым неясным для нас выражениям. Но, когда вспомним время и все обстоятельства пророчеств, можем ясно увидеть, что условность выражений существует для нашего времени, ибо века изменили многие понятия и выражения. Нужно запастись такой осмотрительностью, чтобы не впасть в невежество»[3].

Все, что сказано о пророчествах в философии реального Космоса — Живой Этике, приводит к выводу, что мы имеем дело с новым историческим источником, научно-историческое исследование которого будет не только плодотворным, но и приведет к ряду неожиданных открытий.

Николай Константинович отразил в своей второй пророческой серии все основные исторические особенности проро-

---

[1] Мир Огненный. Ч. I, 503.

[2] Там же. Ч. II, 7.

[3] Там же, 329.

честв и ясно показал важнейшее место пророческого прогнозирования в историческом процессе во всем его драматизме и многогранности.

В 1936 году он пишет картину «Армагеддон». Объятые пламенем башни и стены старинного города. Красно-оранжевые клубы дыма плывут над людьми, уходящими из этого раскаленного ада. Их фигуры, похожие на черные скорбные тени, резко выделяются на фоне бушующего пожара. Идут старики, опирающиеся на палки, женщины несут жалкий скарб, бредут полуослепшие дети. Картина как бы безмолвно кричала. Потом он ее повторит в 1940 году и 1941-м. Изображенное на картине вскоре станет реальной жизнью. Из горящих, рушащихся под бомбами городов также будут уходить обездоленные люди. Они станут погибать на жестоких дорогах войны, будут терять детей, сходить с ума... И грозное безжалостное слово «Армагеддон» встанет над ними пророческой неизбежностью. «Планета больна!»[1] — писал Рерих. Он хорошо понимал, какая опасность грозит его Родине, которую он любил и всегда оставался ей верен. И в этом же 1936 году он первый раз пытается ее предупредить. «Защита Родины есть <...> оборона культуры <...> Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим, о Родине, о ее счастье, о ее преуспеянии всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях»[2].

Выли метели на гималайских перевалах. Ветер гнал снег в долину. Заметал дорогу перед домом. Оттуда, от севера, не было ни вестей, ни гонцов. Николай Константинович знал, что Большая война близка, он знал, с чем придется встретиться Родине — оборона. Длительная и упорная. В 1938 году

---

[1] *Рерих Николай.* Листы дневника. В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 291.

[2] *Рерих Николай.* Нерушимое. Рига, 1936. С. 318.

Рерих создал картины «Тревога» и «Тьма». В начале 1939 года появились «Затмение», «Печаль», «Башня ужаса».

Катастрофа надвигалась на весь мир, но самая жестокая судьба была суждена России. И ее тема, оттесняя Гималаи, начинает набатно звучать на его полотнах. Вновь возникают «Древний Новгород» и «Древний Псков», «Сергиева пустынь», «Радовашеся Ярослав граду Киеву». Поднимается над клубящимися облаками, достигая шлемом снежных вершин, «Святогор». Рерих пишет свою «Тревогу» несколько раз, в 1938 году, в 1939-м, 1940-м. Тревога, тревога, тревога! И сам тоже тревожится. Начавшаяся война окончательно отрезала его от Родины. «Сейчас мы как на острове, — сообщал он. — С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все как вихрем сдуло»[1].

Время неумолимо приближало роковой день. Он назвал 1940 год со-роковым. Приставка «со» распространила слово «роковой» и на следующий год. Им был 1941. Советский Союз еще некоторое время оставался вне войны. Но Рерих уже пишет свой знаменательный очерк «Не замай!». «Пройдя историю русскую до самых последних времен, — отмечал он, — можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко»[2]. Очерк кончался знаменательными словами, в которых была не только вера в то, что Родина выстоит в беде, но и знание того, что ей предстоит. В 1940 году Рерих пишет картину «Весть Тирону», которая имела прямое отношение к его Родине. Он тогда вспомнил именно о Федоре Тироне, одном из первых христиан, жившем во времена римского императора Диоклетиана, известного гонениями на христиан. Вместе со своими единомышленниками Тирон был схвачен и замучен римскими легионерами. Тирона предупреждали о грозившей ему беде, но он не поверил. То, что случилось в IV веке, чем-то напоминало происходившее в XX. Многое было несопоставимым, но общим было одно — неверие в предупреждение.

---

[1] *Рерих Н.К.* Россия. М., 2004. С. 62.

[2] *Рерих Н.К.* Из литературного наследия. М., 1974. С. 196.

Теперь то, что писал на полотнах Рерих, производило странное впечатление. Полотна не поддавались разгадке. Но, когда война кончилась, стало ясно, что он писал ее историю, слагавшуюся на кровавых полях России. Писал он ее, когда еще никто ничего не знал и не подозревал.

Поднимаются из глубины пещеры закованные в латы воины. «Богатыри проснулись». По заснеженному ледовому полю едет на вороном коне в красном плаще «Александр Невский». Зловеще чернеют на голубом снегу латы поверженных немецких рыцарей. Но в фигуре князя нет самолюбивой гордости победителя. Невский серьезен и печален. Он скорбит о тех, кто пал под его знаменами. Потери велики. В июле 1940 года Николай Константинович записал: «Лежит передо мною “Слово о полку Игореве”, отлично украшенное палехским мастером. Само “Слово” как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение»[1]. Картины его так точно отразили ход войны, как будто он там, в Гималаях, видел, что происходит. «Конечно, малы земные горизонты, — записывал он. — Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет»[2]. Он умел выходить на «малые земные горизонты» и видеть и ощущать, как сжимаются и ускоряются космические сроки. Его расширенному сознанию было доступно то, чего не могли воспринять люди с обычным сознанием.

Наступало грозное и беспощадное время. Оно ложилось на его плечи горьким и тяжелым бременем Знания. «Прошел со-роковой год. Труден и наступающий. Пошлем всем друзьям привет на трудных путях»[3], — писал он 1 января 1941 года.

К весне 1941 года напряжение усилилось. «Вероятно, сгущаются опять события, — отмечал Рерих, — и люди как заклинания твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня, так завтра услышим тяжкий войсковой шаг. Может быть, он уже гремит. Радио у нас нет»[4]. Шел март 1941 года. Радио у Рерихов действительно не было, но через иные ка-

---

[1] *Рерих Н.К.* Из литературного наследия. С. 199.

[2] *Рерих Н.К.* Россия. С. 69.

[3] *Рерих Николай.* Листы дневника. Т. 2. С. 372.

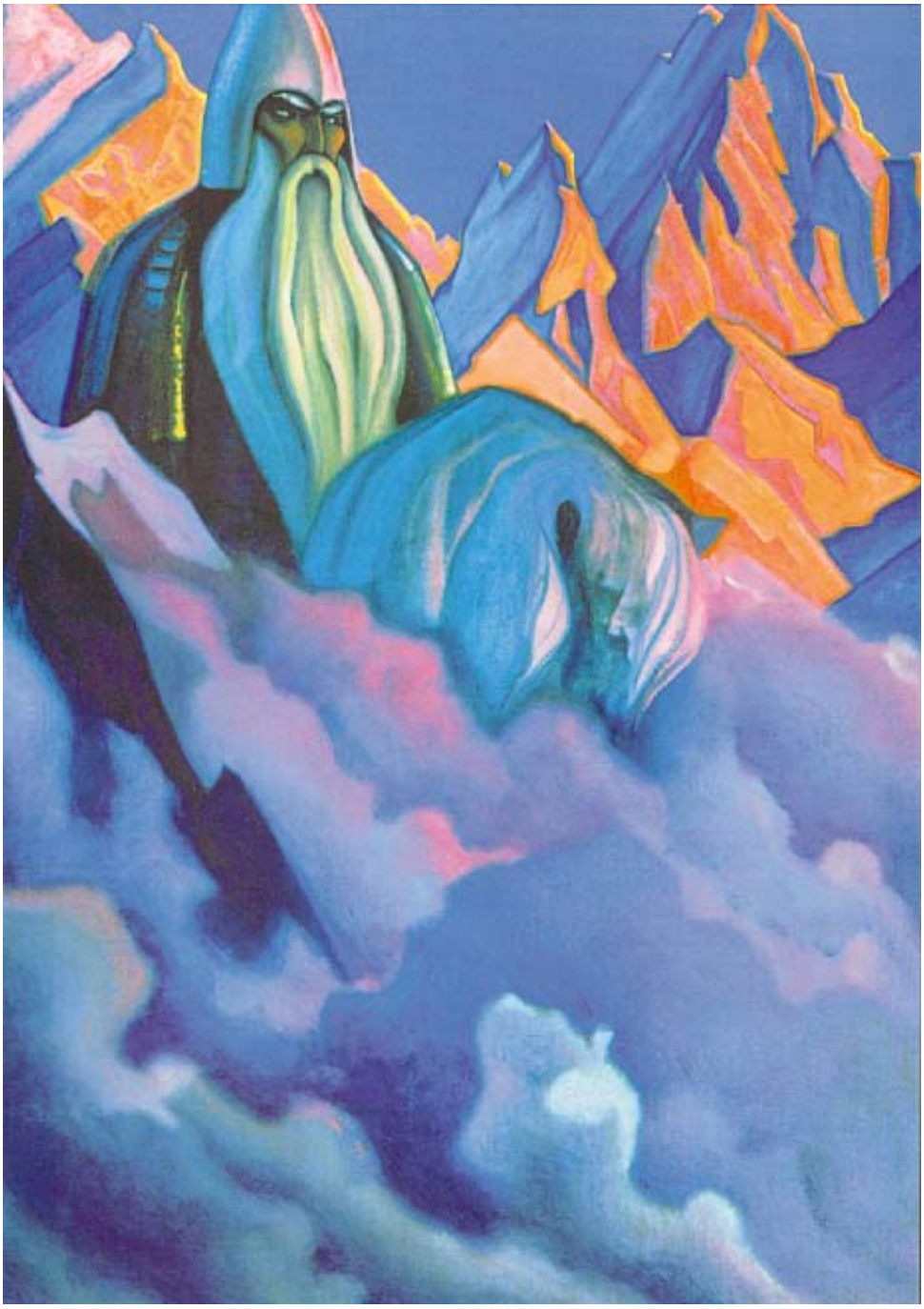
[4] *Рерих Н.К.* О Великой Отечественной войне. М., 1994. С. 20–21.

налы они были осведомлены о том, что Родина к войне не готова и никаким предупреждениям о нападении Германии не верит. Весну 1941 года он назвал особой. Картины этого года были связаны с наступающими событиями. Полуобнаженный человек вздымает молот над наковальней. «Ковка меча». На фоне кроваво-багрового неба защитник «Гесэр-хан» натягивает лук. Сейчас сорвется стрела. Зловещая красная комета, предвестница бед и несчастий, прорезает темный небосвод. И, как последний отчаянный шаг, он пишет полотно «Слепой». Слепой мечется среди домов, не понимая, что происходит. Над городом стоит зарево пожара. Сейчас огонь перебросится на те дома, около которых он оказался. Вокруг никого нет. Человек протягивает руки и встречает пустоту. Уже сыпятся искры на освещенные ближним пламенем дома. Тревога, тревога, тревога. Набат гудит совсем близко. Но слепой не может прозреть, а Тирон не хочет верить стреле-предупреждению…

Н.К.Рерих
Земля Славянская. 1931

Н.К.Рерих
Армагеддон. 1936

Н.К.Рерих
Армагеддон. 1940



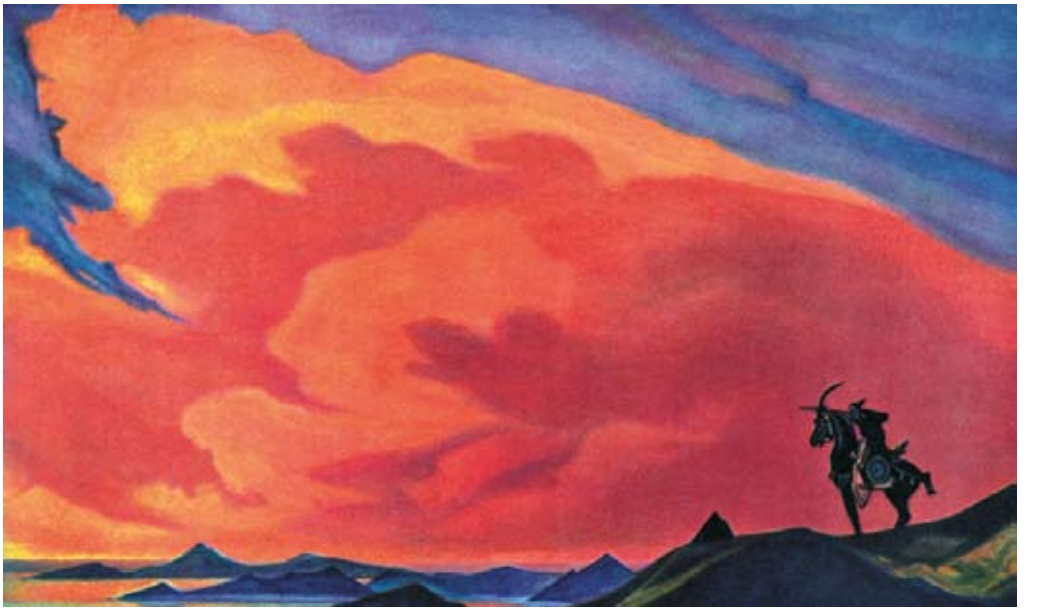
Н.К.Рерих
Святогор. 1938

Н.К.Рерих
Башня ужаса (Совет). 1939

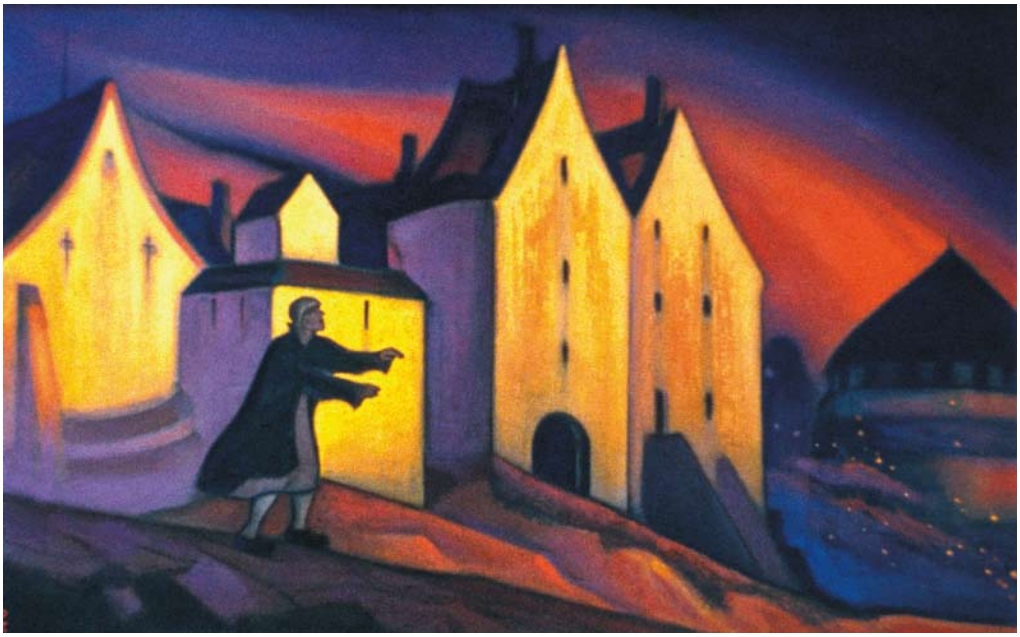
Н.К.Рерих
Весть Тирону. 1940

Н.К.Рерих
Богатыри проснулись. 1940

Н.К.Рерих
Ковка меча (Нибелунги). 1941



Н.К.Рерих
Гесэр-хан. 1941



Н.К.Рерих
Слепой. 1941

Н.К.Рерих
Ангел Последний. 1942

Н.К.Рерих
Поход Игоря. 1942

Н.К.Рерих
Александр Невский. 1942

Н.К.Рерих
Победа (Змей Горыныч). 1942

Н.К.Рерих
Земля Славянская. [1943]

6. «Свет Утренней звезды»

Еще до войны, вскоре после Центрально-Азиатской экспедиции, Рерих вместе с семьей совершил второе после экспедиции важное историческое действие, связанное непосредственно с формированием нового космического мышления. Николай Константинович, как уже было упомянуто, умел воплотить мысль в действие. Мысли о новой науке, которые мы находим в Живой Этике, в 1928 году обрели форму Института Гималайских исследований, названного «Урусвати», что в переводе значит «Свет Утренней звезды».

«Знание превыше всего, — сказано в одной из книг Живой Этики. — Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света. Научимся оберегать каждый шаг научного познавания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму»[1].

Институт Гималайских исследований «Урусвати» был первым драгоценным зерном той новой науки, о которой писала Живая Этика и говорили Учителя. Воплощая Их идеи в жизнь, Рерихи ясно себе представляли, для чего и во имя чего все это делается. Новое космическое мышление, новая система познания, новая наука — все это составляло единое целое, звавшее планету к преодолению подъема на новый виток космической эволюции. Местом для института была выбрана долина Кулу в индийских Гималаях. «Место института, — отмечал Н.К.Рерих, — в древней долине Кулу, или Кулуте, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда, и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны; здесь собирал “Махабхарату” риши Виаса. Здесь и Виасакунд — место исполнения желаний»[2].

Когда-то в древности для строительства храма опытный и знающий жрец, умевший хорошо ориентироваться в тонкой

---

[1] Аум, 440.

[2] *Рерих Н.К.* Урусвати. М., 1993. С. 3–4.

энергетике, выбирал особое место. Как правило, место для храма бывает красивым. Исключительно красива и долина Кулу, где расположен Институт Гималайских исследований. «Когда вы видите минеральные краски гор, когда исследуете огромные гейзеры, полные различных минеральных солей, когда вы видите все типы горячих источников, вы понимаете характер изобилия этой части мира, которая еще не тронута и являлась свидетельницей столь многих космических катаклизмов. Это и есть такое место. Это уникальное место для многих научных исследований. Здесь вы чувствуете праздник знаний и красоты»[1], — писал Н.К.Рерих. И еще: «Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами. Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом, прежде всего, будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием»[2].

Сама долина Кулу и примыкающие к ней горные районы были источником самых разнообразных знаний. «Было отмечено, — писал Н.К.Рерих, — что электрические и магнитные явления особенно ярко выражены на этих высотах.

---

[1] *Рерих Н.К.* Урусвати. С. 57–58.

[2] Там же. С. 36.

Последние обеспечивают исключительные возможности для изучения особых токов, и можно представить, какие новые исследования могли быть проведены здесь нашим великим физиком Милликаном в продолжение его недавних чудесных открытий. Замечательно, как вся собранная информация увеличивает важность этих мест, где плодородие почвы сочетается с необычным феноменом высот и историческим героическим прошлым»[1]. Этот гималайский район открывал самые богатые возможности для изысканий в ботанике, зоологии, археологии, лингвистике, традиционной медицине и ряде самых неожиданных направлений науки.

Институт развернул работу в 30-е годы XX века. Вначале основу его деятельности составляли коллекции и материалы, собранные во время Центрально-Азиатской экспедиции. Методы новой науки, упомянутые в Живой Этике, нашли самое яркое отражение в его исследованиях.

Рассматривая знания как нечто синтетическое, не разбитое на различные области, Рерихи отразили эту идею в структуре института. Были открыты отделы — археологический, естественных наук, медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. Отделы имели подразделения. При археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе, наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеи, исследовали в биохимической лаборатории средства борьбы против рака. Вся семья Рерихов участвовала в организации и работе института. Елена Ивановна, являясь его президентом-основателем, была по сути ведущей в различных областях научной деятельности. Николай Константинович был, так же как и Елена Ивановна, его основателем и идеологом. Директором института стал Юрий Николаевич, старший сын Рерихов. К тому времени уже известный ученый, обладавший широким космическим мировоззрением, он вложил немало плодотворных идей в

[1] *Рерих Н.К.* Урусвати. С. 59.

творческую деятельность института. Младший сын, Святослав Николаевич, художник, знаток древнего искусства, был кроме того прекрасным ботаником, знатоком местной флоры, и орнитологом. Разносторонность знаний и занятий каждого члена семьи Рерихов при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии способствовали успеху и широкому признанию Института «Урусвати» как в самой Индии, так и далеко за ее пределами.

Крупнейшие ученые различных стран сотрудничали с институтом и участвовали в его программах. Наиболее тесное взаимодействие установилось у Рерихов с учеными и деятелями культуры Индии, такими как Чандрасекхара Венката Раман, Джагадис Чандра Бос, Рабиндранат Тагор, Абаниндранат Тагор, Ашит Кумар Халдар, Сунити Кумар Чаттерджи, Рамананда Чаттерджи, Сарвапалли Радхакришнан, Свами Саданаид Сарасвати, Тейджа Синг, Дас Гупта, К.П.П.Тампи, Р.М.Равал и другие. Среди западных ученых, сотрудников и советников «Урусвати», можно назвать А.Эйнштейна, Р.Милликена, Л.Бройля, президента Американского археологического института Р.Магоффина, известного путешественника и исследователя Свена Гедина, профессора Института Пастера в Париже С.И.Метальникова, востоковеда Чарльза Ланмана, профессора из Парижа К.К.Лозина-Лозинского, французского археолога К.Бюнссона, директора Ботанического сада в Нью-Йорке Э.Д.Меррилла и многих других. Советский академик Н.И.Вавилов вплоть до своего ареста вел переписку со Святославом Николаевичем по проблемам ботаники. Всех их привлекали к Институту «Урусвати» не только уникальный район Гималаев, но и способы научных исследований, в основе которых лежала методология новой системы познания. Характерной особенностью работы была постоянная подвижность, регулярные экспедиции, в которых участвовали сотрудники и корреспонденты института. «Нужно то, — писал по этому поводу Н.К.Рерих, — что индусы так сердечно и знаменательно называют “ашрам”. Это — средоточие. Но умственное питание “ашрама” добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники “ашрама” тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои

внутренние запасы <...> Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспеяния. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким»[1].

Нужно, писал Николай Константинович, «и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь»[2]. Речь идет о расширении пространства познания, в котором сплетены воедино небесное и земное и где верх и глубь составляют важнейшие направления исследований. В «Урусвати» методы эмпирической науки сочетались с метанаучными. Нравственные и этические моменты при этом имели важнейшее значение. Сами основатели были высокодуховными и нравственными людьми, несущими в себе новое космическое мироощущение. Духовные знания, накопленные в Гималаях, получали экспериментальное подтверждение. Именно в «Урусвати» начинали научно познавать тонкие энергии, магнитные токи, космические лучи, иные состояния материи. Идея, что причина многих земных явлений лежит в Космосе и мирах более высокого состояния материи, пронизывала научные концепции института. Они открывали перед сотрудниками беспредельность научных исследований, выводили науку на широкий простор новых достижений.

Энергетическое мировоззрение нового космического мышления было реальной основой в исследованиях ученых «Урусвати». В работах института немалое место занимали проблемы человеческого сознания, психической энергии, а также влияния энергии самого человека на научные эксперименты. Все это формировало иные подходы к лабораторным исследованиям.

За короткий период существования института было сделано очень много. Комплексные экспедиции «Урусвати» прошли по древней долине Кулу, Лахулю, Бешару, Кангре, Ладаку, Занскару. На это же время приходится и крупная

---

[1] *Рерих Н.К.* Урусвати. С. 74.

[2] Там же. С. 75.

Маньчжурская экспедиция 1934–1935 годов. Музей института пополнялся богатейшими коллекциями: ботаническими, орнитологическими, геологическими, археологическими. Юрий Николаевич собрал ценнейшие образцы гималайского фольклора. Были изданы три солидных тома трудов института и отдельные научные работы его сотрудников, построены здания, приобретено и вступило в строй лабораторное оборудование, значительно пополнилась библиотека. Первые успехи работы института позволили Рерихам увидеть и разработать перспективу его развития. «Станция (институт «Урусвати». — *Л.Ш.*) должна развиться в город Знания, — отмечала Е.И.Рерих. — Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений. Потому все области науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как знание имеет своим источником весь Космос, то участники научной станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям; и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые всего мира должны быть неделимы в своих достижениях, иначе говоря, объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях. Внимание научного мира сейчас обращено на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все тонкое, самое ценное лежит в более чистых слоях атмосферы»[1]. Было задумано грандиозное дело — город Знания, который должен был стать мировым катализатором новой науки космического мышления.

Но задуманному не суждено было сбыться. Исторические события сложились так, что не только не возник столь желанный для науки город Знания, но и его первый плод, Институт Гималайских исследований был лишен возможности дальнейшего развития. В начале 30-х годов прошлого века начался мировой экономический кризис. Организации, которые финансировали «Урусвати», не смогли этого больше делать. «...Вдруг загрохотали американские финансовые

[1] Письма Елены Рерих. В 2 т. Минск, 1992. Т. 1. С. 60.

кризисы, — с горечью писал Н.К.Рерих. — Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинами не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям <...> Все есть, а денег нет»[1].

Потом началась Вторая мировая война и оборвались те связи, которые интеллектуально питали деятельность института. «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, — отмечал Николай Константинович, — затем от Праги. Отсеклась Варшава <...> Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк <...> Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир?»[2]

Институт, деятельность которого была рассчитана на мировые связи, естественно, не мог продолжать работать, даже если бы были средства. Его пришлось законсервировать. Коллекции уложили в ящики, лабораторное оборудование размонтировали, жилые помещения, в которых останавливались приезжающие ученые, закрыли. Успешно работавший институт, казалось, перестал существовать. Через несколько лет кончилась война. Индия после кровавого противостояния индусов и мусульман получила независимость. В 1947 году умер Николай Константинович, в 1955 году ушла Елена Ивановна. В 1957 году уехал в Советский Союз Юрий Нико-

---

[1] *Рерих Н.К.* Урусвати. С. 77.

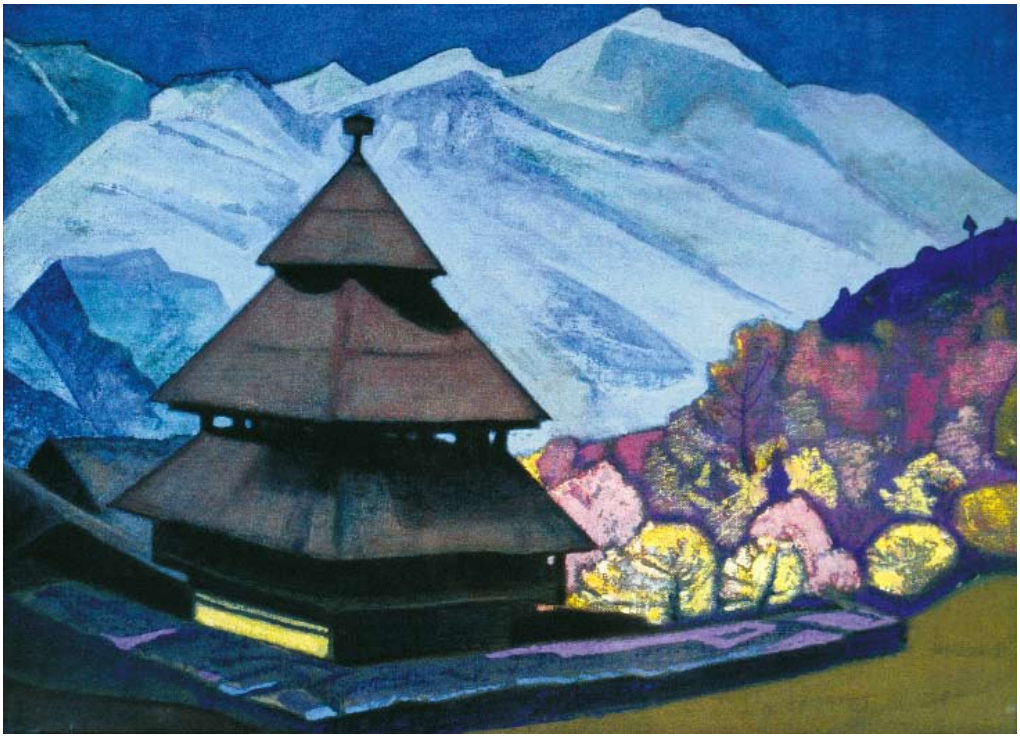
[2] Там же. С. 78.

лаевич и там же в 1960 году неожиданно скончался. Остался один Святослав Николаевич.

Он сделал немало усилий, чтобы восстановить институт. Его обращения к Советскому Союзу не принесли никаких результатов. После его смерти в 1993 году в Кулу был создан Международный Мемориальный трест Рерихов. Трест сделал немало для увековечения памяти Рерихов, но «Урусвати» ждет своей очереди. И ждет слишком долго.

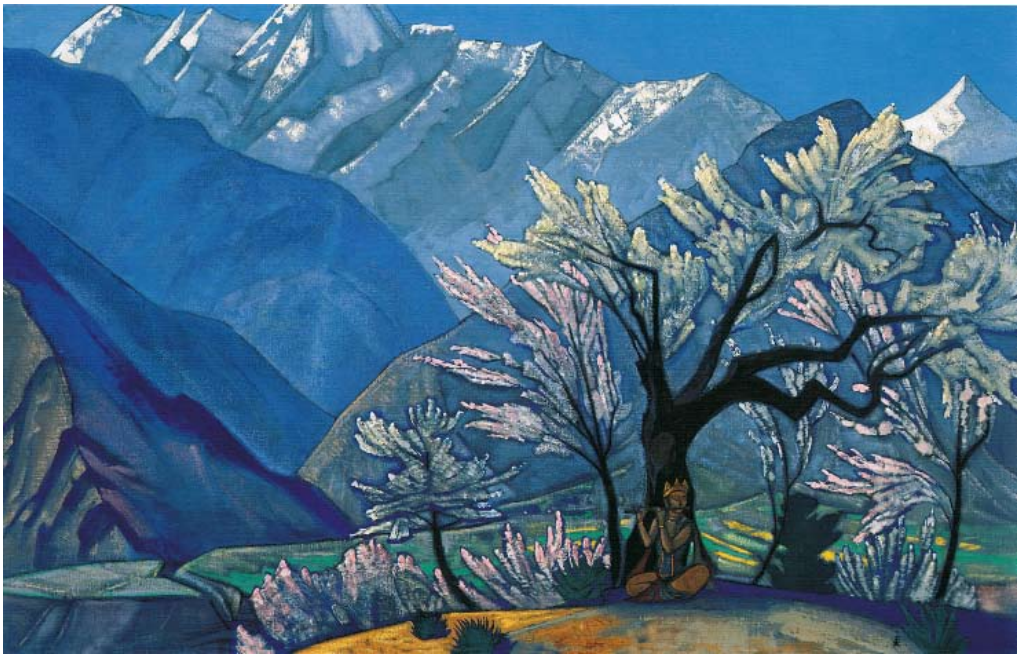
Н.К.Рерих
Гималаи. Без даты

Н.К.Рерих
Комета. Из серии «Гималаи». 1941



Н.К.Рерих
Храм Трипурасундарам. 1932

Н.К.Рерих
Гуга Чохан. 1931



Н.К.Рерих
Кришна. Весна в Кулу. 1930

Н.К.Рерих
Закат. Шатровая гора. 1938

С.Н.Рерих
Портрет Е.И.Рерих. 1937

Н.К.Рерих
Скалы Лахула (Знаки Гесэра). 1935–1936

7. Пакт Рериха

Третьим важным историческим действием Николая Константиновича Рериха был Пакт по защите культурных и исторических ценностей во время войны и в мирное время, получивший название Пакт Рериха. Николай Константинович начал работать над ним еще за 10 лет до войны, уже тогда зная о ее неизбежности. Его подход к культуре и истории культуры значительно отличался от тех, которые существовали в то время, да и существуют теперь.

Рерих так определял Культуру (с прописной буквы): «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты»[1].

Крупнейший философ Серебряного века Н.А.Бердяев отметил главные особенности культуры. «Древнейшая из культур — культура Египта, — отмечал он, — началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знания и подобия иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»[2].

Оба эти фрагмента, в которых мы находим суть истинной культуры, определяемой Н.К.Рерихом как «оружие Света» и «синтез действенного Блага», а Бердяевым как «знания и подобия иной, духовной действительности», свидетельствуют о связи ее с более высоким состоянием материи и ее измерениями. Эта связь, идущая через внутренний мир человека, обусловливает истинное творчество в пространстве

---

[1] *Рерих Николай.* Твердыня Пламенная. С. 93.

[2] *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 166.

Культуры, то творчество, которое носит, вне всякого сомнения, эволюционный характер. В Живой Этике вполне убедительно доказано, что именно Культура является одним из важнейших устоев эволюции человечества. Эта идея пронизывала все творчество Рериха, художественное, научное и философское.

Николай Константинович вопреки многим культурологам отделил Культуру от цивилизации, доказав, что Культура есть творчество духа, а цивилизация представляет материю человеческого обустройства. Культура — вечна, цивилизация — преходяща. Подмена одного другим является методологической ошибкой. «Многозначительно приходится повторять понятие о Культуре и цивилизации, — писал Рерих. — К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова “культура” цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень “культ” имеет очень глубокое духовное значение, тогда как “цивилизация” в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни»[1].

Называя Культуру «Садом Прекрасным», Рерих ставит в ней на первое место Красоту как энергетический закон гармонии духа. «Осознание Красоты спасет мир», — повторил он с небольшой поправкой слова Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от элементарной системы к Красоте. Красота как категория духа утончает материю жизни и энергетику человека. Созерцание Красоты формирует в человеке философское и утонченное миросозерцание.

Рерих обращает наше внимание на то, что во взаимодействии Культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать Культуре, что избавит цивилизацию от многих искажений, ей свойственных. «Будем помнить завет Света, — пишет он, — что, прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем

---

[1] *Рерих Николай.* Твердыня Пламенная. С. 4.

месте — богатство»[1]. В энергетически цельной структуре, управляемой Великими законами Космоса, пульсируют дух и материя и, стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются, то удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета Культуры и цивилизация становится культурной, то берет верх материальная цивилизация, и Культура отходит на второй план, подчас будучи не в состоянии влиять на цивилизацию.

Вникая в эволюционную суть Культуры, Николай Константинович, как историк и мыслитель, хорошо понимал, что Культуру необходимо не только развивать, но и защищать, и защищать не только во время войны, но и в мирное время, в которое шли, по его выражению, «тихие погромы». Пожалуй, в дореволюционное время никто так много не сделал для защиты российской культуры и приведения национального культурного достояния в порядок, как Рерих. Идея каталогизации памятников археологии и архитектуры принадлежала ему. Он предложил составить карту археологических мест и организовывать археологические музеи под открытым небом, где научно будут осмыслены раскопы и показаны археологические памятники. Николай Константинович выступал против разграбления мародерами археологических мест и требовал принять против этого соответствующие меры. Рерих был одним из первых, кто осуждал неграмотную реставрацию памятников культуры и истории, приводящую к их порче. Он спасал старинные иконы, доказывая, что иконопись есть уникальное художественное наследие России. Призывая государство участвовать в защите памятников истории и культуры, Николай Константинович считал необходимым просвещать в этом отношении общественность и привлекать ее к благородному делу защиты исторического и художественного наследия страны, уберегая его от «тихих погромов».

«Не знающий прошлого, — писал Рерих в 1910 году, — не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще нетронутые

---

[1] *Рерих Николай.* Держава Света. С. 88.

варварскою рукою древности и дать им значение давно заслуженное»[1]. Без прошлого нет будущего — мысль, носившая для Рериха-историка концептуальный характер. Памятники культуры и истории он рассматривал не только как музейные редкости, но и как реальные ступени к будущему. Позже он разовьет эту идею и скажет о тонкой, необходимой для развития культуры энергетике, аккумулированной в таких памятниках и реликвиях. Рерих неутомимо добивался своего. Писал письма в различные организации, связанные с памятниками старины, писал и публиковал очерки о необходимости сохранить эти памятники, стараясь сформировать общественное мнение в этом пространстве. Предлагал создать общественные ассоциации для защиты исторических памятников. «...Мы, как бы почетная стража, будем охранять ростки Света»[2], — утверждал он. Рерих назвал таких охранителей «воинами культуры».

Накануне Первой мировой войны он заговорил о Пакте, защищающем памятники культуры во время войны, и обратился с этим в царское правительство, но его не услышали и не оценили предложение. Он вернулся к этому в 1929 году, когда снова работал над Пактом. В 1931 году в старинном бельгийском городе Брюгге состоялся первый конгресс по этому Пакту. В ряде стран началось серьезное движение за принятие его на государственном уровне. В памяти многих еще сохранялись страшные картины гибели уникальных памятников истории и культуры во время Первой мировой войны.

«Мы оплакивали библиотеку Лувена, — с болью писал в 1930 году Николай Константинович, — и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто — “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены»[3]. Его предчувствие оправда-

---

[1] *Рерих Н.К.* Берегите старину. М., 1993. С. 32.

[2] *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М., 1997. С. 47.

[3] Знамя Мира. М., 2005. С. 33.

лось. Вторая мировая война снесла с лица Земли ценнейшие памятники культуры, уничтожила огромное число бесценных художественных произведений, разрушила древнейшие носители духовной энергетики.

В 1935 году Пакт Рериха был подписан Франклином Рузвельтом, президентом США, и представителями двадцати одной страны американского континента. Теперь эта дата стала официально исторической. В 1954 году была принята Гаагская конвенция ООН, основой которой стал Пакт Рериха по защите памятников культуры и истории. Конвенцию подписали многие страны, СССР — в 1968 году.

Тогда, в 30-е годы, Николай Константинович, как и перед Первой мировой войной, обратился к общественности, считая ее главной силой по защите культуры. «Не устанем твердить, — писал он, — что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми»[1]. Рерих утверждал, что «общественное начало должно лежать в основе общего дела»[2]. Трудно переоценить важность этой мысли. Только общество в целом может реально сделать что-либо для культуры, ибо оно, а не власть предержащая является ее носителем, оно, а не государственный чиновник может реально организовать защиту культуры. «Кроме правительственных распоряжений, — писал Н.К.Рерих в связи с Пактом, — именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение»[3].

В 30-е годы прошлого века в СССР шла так называемая «культурная революция», во время которой были разрушены ценнейшие памятники истории и культуры. Уничтожение храма Христа Спасителя в Москве вызвало у Рериха самую негативную реакцию, о которой он не смог смолчать. «Власть имущие! Скажите твердо и решительно, что подобные разрушения недопустимы <...> Власть имущие! Скажите еще и еще громче о том, что разрушение культурных со-

---

[1] Знамя Мира. С. 255.

[2] *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. С. 168.

[3] Знамя Мира. С. 277–278.

кровищ недопустимо и навсегда оставит на позорном листе разрушителя»[1]. Но власти его Родины молчали, не обращая внимания ни на его призывы, ни на Международный Пакт защиты культурных ценностей, который они тогда отказались подписать.

«Сейчас наш стан среди пустыни, — писал Н.К.Рерих в экспедиционном дневнике. — Кто-то когда-то по неведению уничтожил обширные леса, остатки которых мы видели. За лесами ушли и травы. И воды скрылись под землю. Пустыня! Так же точно по невежеству и по злобе можно все разрушить. И кому же нужна будет эта пустыня вещественная и духовная? <...> Власть имущие, скажите решительно! Повторите и твердите о мире и созидании»[2]. Удивительно точный образ культуры — лес, держащий пространство в равновесии и обеспечивающий его жизнедеятельность всем необходимым. Вырубили лес — и все превратилось в бесплодную пустыню. То же самое значение для общества имеет и «вырубка», или разрушение, культуры.

Символом Пакта Рериха стало Знамя Мира. Три малых круга в большом, знаменующие единство прошлого, настоящего и будущего в пространстве Вечности и символизирующие космический Закон культурной преемственности.

В 1930 году, еще до подписания Пакта о защите культуры, Н.К.Рерих писал: «Этот план (Пакт о защите культуры. — *Л.Ш.*) предусматривает особый флаг, который будет почитаем как международная нейтральная территория; это Знамя должно быть поднято над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами»[3]. Когда главы ряда государств подписывали в 1935 году Пакт Рериха, Николай Константинович еще раз напомнил всем им о значении и эволюционной сути Знамени Мира, символа этого Пакта. «Пусть Знамя развевается над очагами Света, над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается и над всеми пустынями, над одинокими тайниками Красоты, чтобы от этого зерна священного процвели и пустыни. Знамя поднято. В духе и в сердце оно не будет

---

[1] Знамя Мира. С. 253–254.

[2] Там же. С. 254.

[3] Там же. С. 34.

опущено. Светлым огнем сердца процветет Знамя Культуры. Да будет!»[1]

Подводя итоги своей жизни, Рерих пришел к выводу, что все порученное ему выполнено. Оставалось лишь одно — то, что он и его семья наработали, предоставить в распоряжение Родины. Он отправил советскому правительству заявление с просьбой предоставить ему визу для возвращения на Родину. Ожидание было долгим и безнадежным. В визе ему и его семье было отказано. Он умер в декабре 1947 года. На мольберте осталась незаконченная картина, называвшаяся «Приказ Учителя» (или «Завет Учителя»). Над узким каньоном, стиснутым синими скалами, от снежных сверкающих вершин летит белый орел. Он приближается к человеку, сидящему на темном уступе...

* * *

То, о чем сказано в этой книге, можно дополнить списком организаций, членом которых состоял Николай Константинович. Среди них были:

1) Французское общество доисторических исследований;

2) Югославская академия наук и искусства;

3) Международный институт науки и литературы, Болонья (Италия);

4) Бенгальское королевское Азиатское общество (Индия);

5) Общество Марка Твена (США), вице-президент;

6) Парижское общество антикваров;

7) Историческое общество Парижской академии, почетный протектор;

8) Институт Д.Боса в Калькутте (Индия);

9) Международный буддийский институт в Сан-Франциско (США), почетный президент;

10) Ассоциация международных исследований в Париже (Франция);

11) Институт археологии (США), вице-президент.

Он был членом-корреспондентом многих других научных учреждений Азии, Европы и Америки.

---

[1] Знамя Мира. С. 257.

Три высказывания о Рерихе, принадлежащие крупному археологу Е.А.Рябинину, выдающемуся художнику и искусствоведу, вице-президенту Академии художеств СССР В.С.Кеменову и известному историку В.Е.Ларичеву, завершают краткий рассказ о великом сыне России Николае Константиновиче Рерихе.

«...Н.К.Рерих <...> с полным правом может быть назван зачинателем и первопроходцем основных направлений исследовательской тематики региона. Им был внесен значительный вклад в накопление базы источников и, особенно, в расширение информативного содержания последних. Не потеряли своей актуальности многие высказанные Н.К.Рерихом столетие назад заключения интерпретационного, теоретического и методического характера. Археологические изыскания настоящего времени — это закономерное продолжение историко-культурного изучения края, у истоков которого стоял Николай Константинович»[1] (Е.А.Рябинин).

«Велик вклад Николая Константиновича Рериха в сокровищницу мировой культуры, искусства и науки, в развитие взаимопонимания между народами, в укрепление мира. Самоотверженная жизнь Рериха поражает многообразием, целеустремленностью и масштабом его деятельности. В личности Рериха слились многие достоинства. Замечательный художник, яркий, своеобразный, работавший в разных областях изобразительного искусства — в станковой и монументальной живописи, театре, графике, декоративно-прикладном искусстве, Рерих создал около семи тысяч произведений. Мыслитель, гуманист, ученый, историк культуры, поэт, писатель, художественный критик. Отважный путешественник — исследователь неизвестных науке районов Центральной Азии. Выдающийся общественный деятель, инициатор международного движения, направленного в защиту культурных ценностей в случае войны, получившего название “Пакт Рериха”. Страстный приверженец идеи мира, внесший особенно большой вклад в укрепление дружбы между народами Советского Союза и Индии, где он прожил вторую половину своей жизни»[2] (В.С.Кеменов).

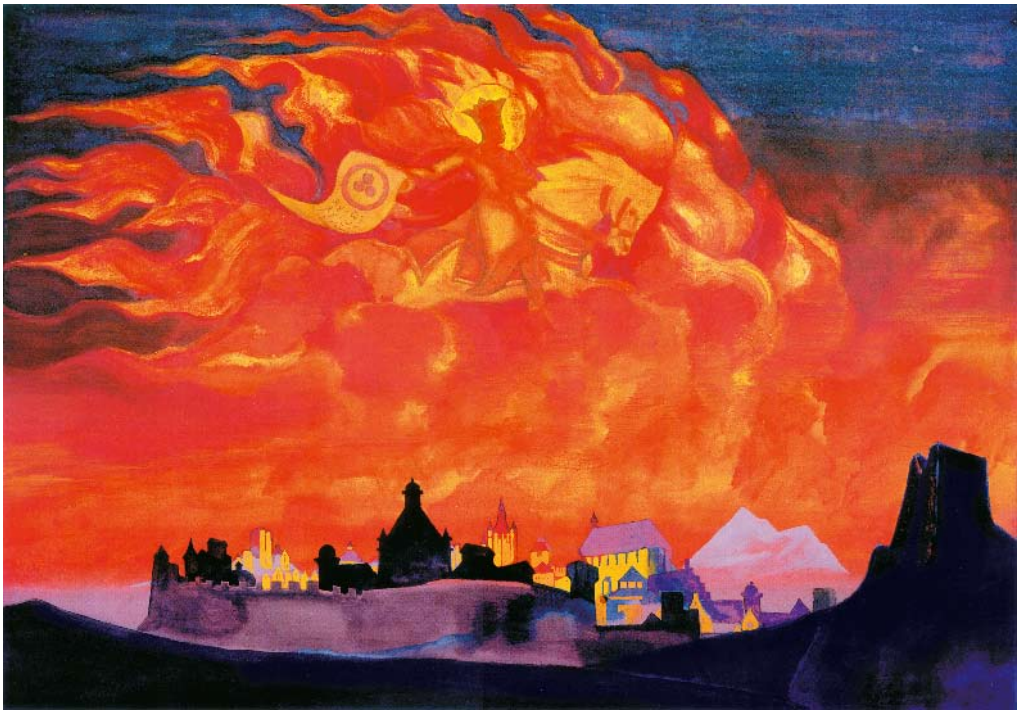
---

[1] Петербургский рериховский сборник. СПб., 1998. С. 99.

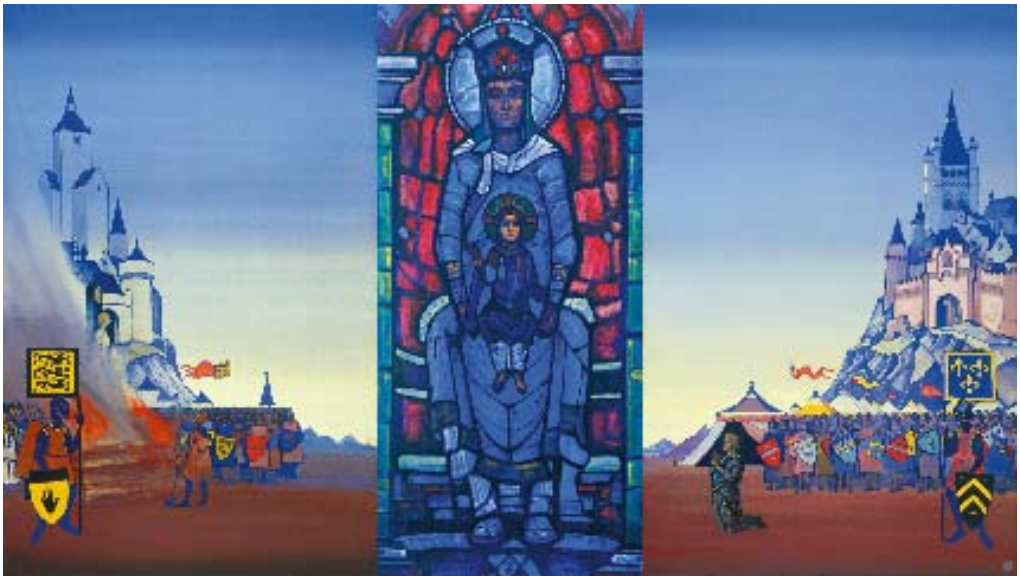
[2] Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 11.

«В ряду высокого ранга “властителей дум” необъятного Отечества достойное место занимает Николай Константинович Рерих — великий русский художник, оригинальный мыслитель, организатор науки, неутомимый общественный деятель, страстный патриот России, увлеченный до самозабвения путешествиями писатель, историк и поэт, вдохновенный певец красот Космоса, провозвестник эпохи космического мышления человечества, единения всех народов Земли под знаменем культуры, духовности, добра и сердечной душевности»[1] (В.Е.Ларичев).

[1] Цит. по: *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. С. 5.



Н.К.Рерих
София Премудрость. 1932



Н.К.Рерих
Жанна д'Арк. Триптих. 1931

Н.К.Рерих
Жанна д'Арк. Вечная Матерь. Центральная часть триптиха

Н.К.Рерих
Жанна д'Арк. На костре. Левая часть триптиха

Н.К.Рерих
Жанна д'Арк. Молитва. Правая часть триптиха

Н.К.Рерих
Мадонна Орифламма. 1932

Н.К.Рерих
Знамя Мира «Pax Cultura». 1931

Н.К.Рерих
Приказ Учителя. 1947

Н.К.Рерих
Мадонна Защитница. 1933

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н.К.РЕРИХА

1. Искусство и археология // Искусство и художественная промышленность. СПб., 1898. № 3; 1899. № 4–5.
2. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. СПб., 1899.
3. Каменный век на озере Пирос. СПб., 1905.
4. Собрание сочинений. Кн. 1. М., 1914.
5. Пути Благословения. Нью-Йорк, 1924.
6. Сердце Азии. Southbury, 1929.
7. Держава Света. Southbury, 1931.
8. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, [1933].
9. Знамя Мира. Харбин, 1934.
10. Священный Дозор. Харбин, 1934.
11. Врата в Будущее. Рига, 1936.
12. Нерушимое. Рига, 1936.
13. Алтай — Гималаи: [Путевой дневник]. М., 1974.
14. Из литературного наследия. М., 1974.
15. Цветы Мории: Стихотворения. М., 1984.
16. Сказки. Л., 1991.
17. Берегите старину. М., 1993.
18. Древние источники. М., 1993.
19. Урусвати. М., 1993.
20. Восток — Запад. М., 1994.
21. Культура и цивилизация. М., 1994.
22. О Великой Отечественной войне. М., 1994.
23. Шамбала. М., 1994.
24. Листы дневника. В 3 т. М., 1995–1996.
25. Shambhala. New York, 1930.
26. Banner of Peace. New York, 1931.
27. Himalayas — Abode of Light. Bombay, 1947.
28. Adamant. New York, 1967.

ЛИТЕРАТУРА О Н.К.РЕРИХЕ

1. *Мантель А.Ф.* Н.Рерих. Казань, 1912.
2. Рерих: [Альбом репродукций]. Пг., 1916.
3. *Ростиславов А.А.* Н.К.Рерих. Пг., 1918.
4. *Эрнст С.Р.* Н.К.Рерих. Пг., 1918.
5. *Бурлюк Д.* Рерих: Черты его жизни и творчества (1918–1930). Нью-Йорк, [1930].
6. *Дювернуа Ж.* Рерих: Фрагменты биографии. Рига, 1932.
7. Н.К.Рерих: [Сборник]. Рига, 1935.
8. *Иванов Вс.* Рерих: Художник и мыслитель. Рига, 1937.
9. Рерих: Альбом. Riga, 1939.
10. *Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. М., 1972; 1973.
11. *Полякова Е.И.* Николай Рерих. М., 1973; 1985.
12. Монументальная живопись Н.К.Рериха: Исследования и реставрация. М., 1974.
13. Рериховские чтения. Новосибирск, 1976.
14. Н.К.Рерих. Жизнь и творчество. Сборник. М., 1978.
15. *Короткина Л.В.* Рерих в Петербурге — Петрограде. Л., 1985.
16. *Сойни Е.Г.* Николай Рерих и Север. Петрозаводск, 1987.
17. *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев: По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н.К.Рериха. М., 1987.
18. *Рудзитис Р.* Николай Рерих — Водитель Культуры. Рига, 1990.
19. Держава Рериха. М.: МЦР, 1993; 2004.
20. *Беликов П.Ф.* Рерих (опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994.
21. Николай Рерих: Летопись жизни и творчества: Альбом / Авт.-сост. В.П.Князева. СПб., 1994.
22. Пути восхождения. М., 1995.
23. *Шапошникова Л.В.* Веления Космоса: Исторический процесс как космическое явление. М., 1995; 1996.
24. *Короткина Л.В.* Николай Константинович Рерих: [Альбом]. СПб., 1996.
25. *Шапошникова Л.В.* Мудрость веков. М., 1996.
26. *Шапошникова Л.В.* Николай Рерих. Из коллекции Международного Центра Рерихов. Москва — Ашау (Германия), 1997.
27. *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Трилогия. Кн. 1: Мастер. М., 1998; Кн. 2: По маршруту Мастера. М., 1999–2000; Кн. 3: Вселенная Мастера. М., 2005.

28. *Володарский В.* Николай Рерих. М., 2002.
29. *Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* Н.К.Рерих — археолог. Новосибирск, 2002.
30. *Сергеева Н.В.* Древнерусская традиция в символизме Н.К.Рериха. М., 2003.
31. *Маточкин Е.П.* Н.К.Рерих: Поэзия старины. Самара, 2004.
32. *Jarintzov N.* N.Roerich. London, 1920.
33. *Selivanova N.* The World of Roerich: A Biography. New York, 1922.
34. The Messenger (Roerich's Paintings). Adyar (India), 1925.
35. *Grant F.R.* Roerich. Himalaya. New York, 1926.
36. Le Pact Roerich. Bannière de Paix = The Roerich Pact. Banner of Peace. Paris, 1931.
37. *Yaremenko A.V.* N.K.Roerich: His Life and Creation (1889–1929). New York, 1931.
38. *Tampy K.P. Padmanabhan.* Nicholas Roerich. Trivandrum (India), 1935.
39. *Conlan B.D.* Nicholas Roerich: A Master of the Mountains. USA, 1938.
40. Nicholas Roerich: Memorial Volume. Bombay, [1948].
41. Nicholas Roerich by his contemporaries. Bangalore (India), [1964].
42. Nicholas Roerich. 1874–1974. New York, 1974.
43. *Дончев А.* Николай Рьорих: Ярило слънчицето и бога Агни. София, 1979.
44. *Archer K.* Roerich. East and West. England, 1999.
45. *Decter J.* Nicholas Roerich: Life and Art of Russian Master. Vermont, Rochester, 1989.
46. Nicholas Roerich: Himalayan Saga: A Catalogue of the Indian national Treasure. New Delhi, 2002.
47. Николай Константинович Рерих: Биобиблиографический указатель. М.: МЦР, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

1. Неслучайные «случайности». Явление археологии 12

2. Загадочные картины. Пророчества 42

3. Зов Индии. Учителя 60

4. Путешествие в пространстве и времени. Центрально-Азиатская экспедиция 76

5. Новая философия истории 128

6. «Свет Утренней звезды» 154

7. Пакт Рериха 170

Основные труды Н.К.Рериха 188

Литература о Н.К.Рерихе 189

Людмила Васильевна
Шапошникова

УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК

Разработка макета
Л.В.Шапошникова,
П.Ф.Волков, В.М.Эйдинова

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*
Главный редактор *Т.О.Книжник*
Редактор *П.Ф.Волков*
Младший редактор *И.С.Жарова*
Компьютерный набор *Е.А.Панченко*
Корректоры *Л.П.Сидоренко, Е.А.Панченко*
Фотографы *А.В.Клюев, М.Н.Иванов*
Компьютерная верстка *А.И.Дьяченко*

Формат 84x108/16. Печать офсетная.
Бумага мел. 115 г/м^2. Гарнитура Школьная.
Печ. л. 12. Тираж 2000. Заказ № .

Международный Центр Рерихов
119019, Москва, Малый Знаменский пер., д. 3/5

ООО «Полиграф-Эра»
Типография ОАО «Внешторгиздат»
125576, Москва, Илимская ул., д. 7

ISBN 5-86988-172-2
9 785869 881724